Провинциальный ИНТЕЛЛИГЕНТ

Международная литературно-публицистическая газета. №5 (22), май 2011 г. www.gazeta-pi.ru

Газета выходит один раз в месяц. Контакты для участия и сотрудничества указаны в выходных данных в конце газеты.

Уважаемые авторы художественных произведений, стихов и прозы. Если вы хотите, чтобы ваши работы были опубликованы в иностранных изданиях, обращайтесь в редакцию «ПИ 1»

ОТ РЕЙНА ДО ГУДЗОНА
Люди и судьбы

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ:

Как мало все-таки человеку надо! Сегодня, когда в мире, где поочередно возникают братоубийственные войны и политические конфликты, в России-матушке творится чиновничий беспредел. Каждое ведомство, пытаясь поднять свою значимость, вмешивается в дела друг друга, все построено на наглом вранье так,что верить никому не хочется. Бюрократия, приняв объем вирусной эпидемии , не хочет ни за что отвечать, а только жить вольно и красиво.Приходится грустно констатировать: народу от этих самых демократических перемен лучше не становится. И действительно, каждый сегодня выживает в одиночку. Одни стресс заливают водкой,другие с утра до ночи крутятся как белка в колесе, в поисках хлеба насущного, третьи жируют на Канарах и «Куршавелях» щедро, разбрасываясь валютой. Каждому, как говорится, свое!...

...Четырнадцать лет назад, когда Россия была захлестнута волной бандитского беспредела, я,как и многие другие соотечественники, уехал в Западную Европу в поисках лучшей жизни. Однако, не хлебом единым сыт человек. Можно иметь крышу над головой,холодильник, полный продуктов,телевизор,компьютер,другую оргтехнику с прибамбасами, а душа остается пустой от сознания того,что ты здесь чужой. В эмигрантской среде не принято запросто заводить дружеские отношения. Подавляющее большинство бывших соотечественников сторонится и не доверяет друг другу. Очень редко, если кто-то сходится между собой по тем или иным интересам. И даже земляки из одного города, порой, сторонятся друг друга, предпочитая жить взаперти в своих квартирах.

Вот и я,часами продавливая диван, сидя у голубого экрана телевизионного ящика, часто обращаю свой взор назад, в бесшабашную ленинградскую юность,где у меня остались друзья школьного детства, бывшие сослуживцы и коллеги, с которыми волею обстоятельств были прерваны контакты в связи с отъездом из страны.

Я не случайно начал этот очерк со слов: «Как мало человеку надо в этой жизни!»

Природа требует к себе любви, и человек чувствует себя дискомфортно без живого общения. Ничто не может заменить эти прямые контакты: ни связь через компьютер,ни телефонная линия, и даже не , потесненная передовыми технологиями , почта.

Я очень часто вспоминаю своих друзей юности. Со многими я потерял контакты еще в той жизни. И мне прибавляет в кровь адреналину часто звонить в Петербург, Москву,другие города России и мира, с кем у меня сохранились товарищеские и деловые отношения. Непосредственно из школьных друзей, я практически со всеми потерял связь. С момента окончания школы прошло уже около полувека. Единственный однокашник, с кем я по жизни еще не потерялся, до сих пор живет в Петербурге. Иногда мы с ним перезваниваемся по телефону, а вот с другим...

Об этом друге мне хотелось рассказать особо. Мы с ним довольно близко сошлись в первом классе и не теряли дружбу до окончания средней школы. Потом наши дороги разбежались в разные стороны. Мой однокашник ступил на актерскую стезю,поступил в театр-студию при Ленинградском театре юного зрителя, а я двинул в Сибирь за романтикой строительных будней...

ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ ВОЗВРАТЯСЬ...

Одиссея моя по просторам Восточной Сибири закончилась возвращением в Ленинград. Я прошел в Красноярском крае хорошую школу жизни,закалил свой характер и вернулся в родной город молодым журналистом. Именно там, в сибирской глубинке я приобщился к репортерскому перу. В Ленинграде мне сразу же нашлось место литературного сотрудника в одной многотиражной газете.

Как-то летом,в июльскую жару, я столкнулся на Кировском проспекте лоб в лоб с бывшим однокашником Сашкой Долиновым. Лицо его лоснилось от пота, и он хрустел мороженым-сахарной трубочкой. Не виделись мы прилично-больше четырех лет. Сашка выглядел таким же неунывающим , как и прежде. Улыбка-рот до ушей,светящиеся глаза и быстрая стремительная походка, никакой вальяжности. Мы прижались с Сашкой к барьеру сквера и стали болтать. Он рассказал мне о том, что окончил театральную студию и получил назначение в Рязанский театр для детей. Мне тоже было о чем поделиться со старым другом. За моими плечами была школа самостоятельной жизни, в которой я вкусил и радость тяжелого труда строителя, где основным орудием были лом и лопата, и авторучка,которая стала моим талисманом. Как токарь не может обойтись без штангенциркуля, так и я , ступив на журналистскую стезю, уже не мог обходиться без фотоаппарата и авторучки.

Подумать только! Еще вчера мы были школьниками. Вспомнился далекий 1953 год и праздничная школьная линейка. В первом классе у нас было исключительно мальчишеское братство, девочки присоединились к нам лишь спустя год. Саша выделялся своей супераккуратностью. Чистенький выглаженный костюмчик, ровно подстриженные волосы. Саша сидел за партой и жадно ловил взгляд нашей первой наставницы. Учились мы почти все ровно и слыли хорошистами. А чем дальше в лес, тем больше дров. Я это к тому, когда мы стали чуть постарше, то стали и шустрее,и развязнее,словом, раскомплескованнее.

После окончания пятого класса, так сложились семейные обстоятельства, отец перевел меня в другую школу, однако это ничуть не мешало нам с Сашкой общаться. Я частенько прибегал к нему во двор, где мы часами гоняли мяч, да и он не забывал меня. Мы подолгу шлялись по пыльному городу,общались с уличной шантрапой и таким образом постигали жизнь...

Та случайная встреча на Кировском летом тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года оказалась последней на моей памяти.. Сашка очень торопился куда-то, и мы разбежались , каждый по своим делам. Думали, какие наши годы! Земля она круглая! А тут живем в одном городе, да что в городе, в одном районе, всего в двух кварталах друг от друга. А вот как получилось, не встретились...

Шли годы. Я переехал в другой район, женился. Текучка захватила меня всего. Родилась дочь. Опять заботы. Днем-работа, вечером-учеба. Сашка не давал о себе знать. И только в конце семидесятых годов от другого своего однокашника Николая я узнал о том, что Долинов рванул на свою историческую родину в Израиль. Во времена железного занавеса, который имел место во время правления коммунистического режима, частная переписка с друзьями из другого мира не поощрялась. Частенько, когда я попадал по случаю на Петроградскую сторону, то непременно заходил в Сашкин двор и кидал взгляд на его окна на третьем этаже. Тот же двор-колодец, та же обшарпанная кирпичная стенка. Только детишки уже другие гоняли по кругу на великах, и воздух был наполнен их бойким разноголосьем...

В середине восьмидесятых годов я сделал робкую попытку через одного знакомого журналиста, который жил в Израиле, найти Александра. Спустя некоторое время тот сообщил мне от том, что дал объявление в русской газете, но пока никто не откликнулся. Нужно набраться терпения и ждать...

...Календари стремительно теряли свои листки. И вот на дворе уже последнее десятилетие двадцатого века. Несколько позже этот период романтично назовут «лихими девяностыми» Почил в бозе Советский Союз. В стране начался открытый бандитский передел. Заводы и фабрики остановились, замерли стройки. Я в то время трудился в стройиндустрии и занимал средние командные позиции-руководил субподрядной строительной организацией. Заказов не было. Налоги были выше крыши. Нужно было делать выбор: или мириться с голодным существованием и «паханским» беспределом, или... Эмигрировать из страны не хотелось, но все же пришлось. Страх за свою жизнь взял верх. В пятьдесят лет, когда ты нажил и житейский, и трудовой опыт,но оказался никому не нужным, сыграл важную роль отрезвляющий обух по темечку. В переносном смысле.. Я подал документы в Генеральное консульство Германии и вскоре оказался за кордоном...

Окончание на стр. 2

КОЛЛЕГИ! Хорошему латышскому поэту, пишущему на русском, Представителю газеты по Прибалтике Татьяне Рускуле нужна помощь - 1000 долларов на операцию. Мы в Петербурге собрали, сколько могли, но мало. Кто может помочь, откликнитесь.

Банковские реквизиты для перечисления средств:
BIC/S.W.I.F.T. HABALV22 / swedbank / LV12HABA0551006123508

Уголок Стилиста
Урок №4

Иван Алексеевич Бунин в стихотворении «Слово» приходит к выводу, что язык – это память народа, хранитель его истории:

Лишь Слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.

К речи надо относиться бережно! А что происходит на самом деле? Послушаешь, что обрушивается на нас последние годы со страниц современных книг, из СМИ, включая самое массовое нынешнее «искусство» – телевидение и Интернет, и становится грустно из-за того, что богатейший русский язык целенаправленно обесцвечивается и заменяется кальками с английского, чужеродными терминами, публично засоряется ненормативной лексикой, исковерканными словечками, даже полусловами, например, «чел». Представляете, как когда-нибудь изрыгнут со сцены: «Чел – это звучит гордо!».

Язык пережил не одну трансформацию. Но всегда перерабатывал неологизмы, оставляя в своем лексиконе только то, что его обогащало. «Феня» хлынула в речь главным образом теперь, с появлением устрашающего количества детективов, детективных сериалов. Интернет-среда ввела в обиход полуязык, нарочитое коверканье слов. Недавно я встретил неологизм такого деятеля: сетература. Похоже, скоро компьютеры в свободное время будут вести оживленную переписку между собой, без участия своего сетератора. Наверно языковеды, заглянув на отдельные форумы, должны быстренько промыть глаза и почитать на ночь Пушкина.

И всё-таки не графоманы в своих писаниях, не блогеры, изъясняющиеся в «постах» и на форумах примитивным, искалеченным псевдорусским, настолько повинны в упадке языковой культуры. Чудовищную роль играет реклама. Безграмотность и презрение к родной речи демонстрируют в своем телелепете модернизаторы, за спиной которых одна нахватанность: рекламные блоки обтёсываются кое-как, бесконтрольная издательская деятельность без лицензий и выборочных проверок качества продукции порождает серятину. Кто возразит, что знания – это стратегическая отрасль, требующая защиты? И если за идеологией (ее националистической направленностью) как-то послеживают, то правописание, основа языка отданы на откуп коммерсантам. Бог с ними, с авторами, катающими свои тексты из Интернета и для Интернета, из плохо переведенных – иногда компьютерной программой - иностранных произведений, хотя, строго говоря, вред для юного уха эти сочинения безусловно несут. Элементарная грамотность должна соблюдаться. Раньше ее давали не только школа, но и книги. Нынче дети почти перестали читать – днюют и ночуют на экране компьютера. И питаются низкопробными репликами персонажей игр, «непереваренными» микрософтовскими командами. А дурные диалоги заграничных мультиков, наполовину состоящие из взвизгов и неприличных фраз, пополняют их запас слов.

Иногда прямо вздрагиваешь от изысков рекламных апперкотов по мозгам. Завтракаешь, никого не трогаешь, и вдруг из телевизора и радио на тебя с подробностями обрушивают веселые истории о геморрое, прокладках, подтекании и недержании, о запорах и анорексии, вздутиях, миллиардах микробов в укромных местах кухни. Ну, не нравится мне совмещение обеденного стола и клозета! Не люблю я слушать про сексуальную жизнь бактерий, которые нахально размножаются у нас во рту. Бессмысленные блоки рекламеров, к сожалению, застревают в языке. Приведу несколько примеров, каждый может продолжить этот список. Бактерии грязи. Живи большими глоткАми. 200% мягкости твоих волос… Понимаю, что волосы могут быть мягче от какого-то шампуня, но измерять мягкость в процентах?! Рекламерам абы сбыть рекламу. Но где редакторы? Где выборочный контроль качества Министерстом культуры, печати, кино? За такие вы…крутасы надо всё же лишать лицензии. Достояние нации нельзя растрачивать невеждами на невежд.

Беда в том, что словесные сорняки легко проникают в диалоги, в речь малышей, высмеиваются КВН-щиками, то есть вольно или невольно уходят в лексикон, берутся на вооружение населением. Эти речевые ужастики проникают даже в искусство. Современная поэзия часто напоминает беспорядочно сваленные в кучу слова, которые авторы считают стихами. Мало кто заботится о смысле, о прозрачности и звонкости строки. Кажется, сказал так, как никто до него не говорил – это и есть новое слово. Но может, не говорил потому, что муза оставила ему частичку здравого смысла? Приблизительность сказанного подчас не позволяет авторам правильно выстроить строки, разбить стих если не на смысловые блоки, то хотя бы на ритмические. Слово или несколько слов застревают на предыдущей строке, а должны бы перейти в следующую.

Особенно грешат вольностью изложения поэты-художники. Краски у них сочные, образы яркие, а сложить слова правильно не удается. Да они и не пытаются. Потому что чаще художник оперирует кистью, создает вполне наглядную, зримую вещь. Потому когда рисует словом, то ему кажется, что словесный узор так же информативен, как и его этюды.

Я хочу в качестве эксперимента ввести в «Интеллигенте» СПб. страницу лирики ДИВАН – как вы помните, это сборник восточной поэзии, а восток, как известно, дело тонкое. Мы будем на эту страничку помещать самые мудреные, самые туманные произведения и фрагменты произведений, присылаемых в редакцию. Пусть Представители газет «Интеллигент» и «Провинциальный Интеллигент 1» не удивляются, когда кого-то из авторов редакторы вырвут из их подборки и перенесут на ДИВАН. Включая те, которые пропустят редакторы.Мы обязуемся ни словечка не изменить в этих виршах. И даем право всем читателям и авторам наших газет рецензировать эти вещи, трактовать не всегда доступный смысл, писать эссе и пародии и присылать нам. Не обижайтесь, авторы – вы выбрали публичную стезю! Пусть народ откликается на ваши произведения..

Не перестану напоминать поэтам, что им надо почаще заглядывать в словари. И для того, чтобы проверить, верно ли отложился в памяти смысл примененного слова. И непременно, чтобы проверить правильность постановки ударения.

Затрону несколько установившихся в речи и литературном письме постоянных ошибок. Во-первых, почему-то в речь полезла неверная форма слова «простынь». Это даже не просторечное, потому что есть единственная форма: «простыня». Есть слова сполОх и всполОх, но не спОлох, вспОлох. Правильно говорить ТолИка и тунИка, и никак иначе, как подчас ни странно это звучит. Вообще закрепленная традициями неправильность держится за язык очень упорно. В слове иконопись ударение стоит на первом слоге, Иконопись, хотя произносить так языку трудно и непривычно.

В заключение приведу парадоксальный пример включения в дипломную записку хулиганской цитаты: «Материалом для заклепок выбираем дерево, но не потому, что оно лучше куётся, а потому, что ни один дурак эту записку читать не будет». Преподаватели и дипломники неоднократно читали это произведение и действительно пропускали мимо глаз эту изящную хохму. Потому что самое страшное в любом деле – это инерция. В том числе и в языке.

Феликс СУРКИС

Продолжение. Начало на стр. 1

ТВОРЧЕСТВО-ЛУЧШЕЕ ЛЕКАРСТВО ОТ СТРЕССА...

Я не буду подробно описывать первые шаги в новой стране, об этом очень понятно и доступно изложено в моей первой книге «Германия глазами петербуржца». Скажу только: занятие литературой стало для меня очень эффективным лекарством. Первой моей крупной покупкой,когда я оказался в стенах своей квартиры в Кельне, была не кровать,а телевизор, а второй-компьютер. Диван я купил значительно позже, предпочитая спать на матраце. Труд у меня был изнуряющим. Завод, где я трудился простым подсобником, находился на другом конце города, и мне приходилось подниматься каждое утро с петухами около четырех утра. За восьмичасовой рабочий день так надломишься,мама не горюй! Я работал на штамповочном прессе, и за смену вместе со старшим напарником мы перелопачивали до двадцати тонн полосного металла. Домой придешь, ноги ватные, в голове гудит... Тут ни до чего, быстрей бы в люлю. Зато все выходные дни были моими. И я писал. Короткие новеллы, рассказы, афоризмы. Рассылал их в разные газеты и журналы. Было долгое гробовое молчание. И, наконец, я дождался. Одна газета опубликовала рассказ, журнал-новеллу. А спустя примерно полгода получил предложение о сотрудничестве с Европейским приложением газеты «Аргументы и Факты»

С тех пор прошло десять лет с хорошим хвостиком. Я уже довольно хорошо освоился в Германии. Меня здесь знают и публикуют. В моем активе – солидная библиография-девять книг и полтора десятка брошюр. О газетных и журнальных публикациях говорить не приходится, их количество перевалило за пять сотен. С одной стороны-жизнь на чужбине состоялась, с другой-как много хочется еще сделать. И каждый день я начинаю с того, что сажусь перед монитором и нажимаю на «клаву». У портного и писателя есть общее профессиональное кредо: «Ни дня без строчки»

У меня же девиз чуть другой: «Ни дня без странички». И я плохо себя чувствую, если день прошел без творческой нагрузки. Это самая настоящая болезнь, вирус какой-то заразный, однако я безмерно счастлив от того, что до сих пор не выбит из седла и продолжаю заниматься любимым делом. Теперь я на собственной шкуре убедился:бывших журналистов не бывает...

ПОЭТ И ПУБЛИЦИСТ: ВСТРЕЧА В ЭФИРЕ

Рабочий день у меня обычно поделен на две части. По жизни я жаворонок. Довольно рано поднимаюсь и сажусь к монитору. До завтрака успеваю просмотреть почту,ответить на письма, разослать предложения о творческом партнерстве в другие русско-язычные редакции планеты. А после завтрака и часов до двух дня начинается творческий процесс. И так почти изо дня в день. И я настолько привык к такому рабочему графику,что чуть что пошло в сторону, и я начинаю ощущать себя больным, сказывается хроническая творческая зависимость. Она меня захватила похлеще наркотиков.

И вот в одно мартовское утро я получаю письмо от одного из учредителей газеты «Провинциальный интеллигент». Автор послания предложил мне поближе познакомиться с тканью своего издания и дал интернет-ссылку, где бы я смог пролистать страницы газеты вживую. И, о Боже! В одном из номеров случайно наталкиваюсь на мужчину с интеллигентной бородкой. Всматриваюсь в лицо и узнаю знакомые черты. Глазами «сверлю» текст. Так и есть! Лицо и фамилия автора совпадают. Мое сердце стучит от волнения. И вот, когда я закончил чтение резюме, понял: редакция этой газеты сработала оперативнее известной программы «Жди меня». Да, это оказался тот самый Александр Долинов, который растворился в тумане и дал о себе знать только спустя долгих сорок три года. Меня нисколько не удивили вехи творческого пути Александра. Ведь артисты-это особенные люди,наделенные Божьим даром перевоплощения. И то, что помотало его по свету, как осенний листок по мостовой,в этом тоже ничего не было сверхординарного. Никому не в диковинку тяжкий и грязный труд на чужбине. Все с этого начинают. Однако поразился я другому. Бывший мой однокашник предстал передо мной совсем в новом качестве. Я никак не мог представить его в роли поэта. В школьные годы он не подавал признаков поэтического дара. Все мы сочиняли всякую ерунду, пусть и рифмованную, а вот осмысленные пронзительные поэтические строчки.... Словом, Долинов открылся передо мной совсем с другой стороны...

Отложив все свои дела в сторону, я принялся читать его стихи. Читать придирчиво. Хотелось за что-нибудь зацепиться. Не смог! Стихи бывшего однокашника оказались преимущественно глубокими и зрелыми. Первый шок от встречи с одноклассником прошел. Теперь встал вопрос: как же его отыскать в реале? И опять мне на помощь пришли неравнодушные и сердечные люди, делающие газету «ПИ 1». Учредитель Сергей Пашков вывел меня на главного редактора петрозаводского издания Дину Лебедеву, а та, в свою очередь, на литератора Нину Большакову из США. Она –то и переслала мне номер мобильного телефона Александра Долинова. Это было в 16 часов берлинского времени. Тут же я позвонил по американскому номеру. Сюрприза, к сожалению, не получилось. Очевидно, госпожа Большакова подготовила Александра к нашей беседе.

...На другом конце провода я услышал до боли знакомый голос. И это через сорок с лишним лет. Сашка купался в это время в бассейне, однако звонок мой все-таки услышал.

Первым делом, волнуясь, я спросил у него о том, есть ли в доме программа «скайп»?

Долинов объяснил, что находится в гостях у друга в штате Флорида. Скайп, конечно, же есть,какая жизнь без этой программы?.... Через полчаса я уже сидел, пришпиленный к креслу и вглядывался в экран монитора. Сашка предстал передо мной, все в той же узнаваемой бороде и теми же искрящимися глазами. Разговаривали мы с ним очень долго. Вспомнили почти всех однокашников,рассказали друг другу о себе, поделились творческими планами на будущее. И вот ведь что удивительно! Долинов еще тогда знал о том, что что я становлюсь на тропу публициста, а я , наивный,все время представлял своего друга за «баранкой» такси, и то, эту версию мне подкинул лет двадцать пять назад один из наших общих знакомых, который и сейчас продолжает жить в Питере. Сашка и поэт-это просто немыслимо, однако после прочтения его стихов в газете «ПИ 1» пришлось поверить. И порадоваться за друга тоже.

Когда наш с ним разговор в видеоэфире подошел к концу, я поднес к экрану коллекционную бутылку старого армянского коньяка и выдохнул:

- До встречи, братка! И не важно, в Кельне или Нью-Йорке! Главное, что эта встреча вскоре обязательно состоится. И мы разопьем с тобой этот чудный пузырь...

Экран монитора погас, я грустно улыбнулся и подумал: «Вот ведь как бывает. Улыбка, которую мы подарили друг другу на той «первоклассной» линейке до сих пор не погасла, значит еще жива наша дружба. Пожалуй,верно замечено: это святое чувство локтя чаще рождается в детском возрасте,в школьные годы, на студенческой скамье и в годы службы в армии. И то, только потому, что она,эта самая дружба, не замешана на корысти. Она ,как правило,чиста и хрустальна. И как хочется сохранить ее до самой гробовой доски. Не думаю, что это желание странное и большинство соотечественников меня поддержит: дружбой следует дорожить! И не только. Уметь дружить-это тоже настоящее искусство!...»

Кельн, Германия, 2011.

P.S.: Вместе с Александром Долиновым я выражаю сердечную признательность учредителям, администрации, членам редколлегии, которые помогли нам найти друг друга. Желаю изданию «ПИ 1» укрепления авторитета на информационном рынке и широкую читательскую аудиторию

Писатель и публицист Борис БЕМ.

КНИГИ БОРИСА БЕМА

В интернет-сети магазинов «ОЗОН» постоянно в продаже книги петербургского автора Бориса Бема – «Эмигрантские тетради» и сборник повестей и рассказов – «Ветка сирени на мокром асфальте». Тематика и сюжеты произведений подкупают бескомпромиссной гражданской позицией автора и его профессионализмом, писатель пытливо ищет пути выхода из лабиринта нашего безумного иррационального мира. И делает это с несомненным успехом. Основной жанр произведений так и хочется отнести к «свидетельству о жизни»

Автор живет и занимается активной творческой работой здесь, в Кельне, печатаясь во многих русскоязычных периодических изданиях Германии, России, Америки, Канады и Израиля.

Книги Бориса Бема можно заказать по электронной почте: b.meytin@gmx.de или по тел:0049-221-169-030-27

ГУСИНЫЙ ДЕНЬ

Лыжи ровно шаркали по тающему снегу бухты. Настроение - хуже некуда. Только что промахнулся чуть ли не в десятый раз. Да будь ты и трижды снайпер, попади-ка за двести шагов из положения лежа в голову нерпы, “загорающей” на весеннем льду! Трудно целиться. Снег блестит, как дуга электросварки, а пуля летит, считай, параллельно поверхности льда. Малейшая льдинка, снежный бугорок и - рикошет!

Прислонив лыжи к стене пристройки, Димка вошёл в полумрак остывшего зимовья, растопил печку и поставил на огонь кастрюлю с олениной.

Отец вернётся через неделю. Как хочется к его прилёту сделать ему подарок. Всего трёх шкурок, трёх пятнистых нерпичьих шкурок не хватает для выпонения плана. Вот бы похвалил сына и помощником назвал!

Но плохо, что, ползая по льду в этом черном ватнике, сам становишься похож на нерпу. На днях им, четырнадцатилетним «великим охотником», заинтересовался молодой медведь, невесть как оказавшийся рядом. Хорошо, без мамаши... Только тогда и отстал, когда сунул ему под нос горящий фальшфейер!

Но стоп-ка... Фальшфейер - это же идея! Привязать на краю лунки, подождать, пока тюлень вылезет, и дернуть шнур! Никакое животное в огонь не полезет. Подходи, стреляй, и не надо на льду пластаться!

Пообедав, Димка достал из ящика фальшфейер, небольшой сигнальный факелок, горящий даже в воде, и просверлил в его ручке отверстие для большого длинного гвоздя. Взял с собой моток рыбацкого шнура, кусок оленьей шкуры, томик Сомерсета Моэма и вновь вышел на лед.

Укрепив фальшфейер на краю лунки, он прибил его ко льду гвоздем, присыпал следы снегом, а шнур отвел за ближний торос, шагов за сто.

За торосом Сергей расположился на оленьей шкуре, положил под голову рюкзак и открыл книгу.

Охота - не сплошь развлекуха, приходится иногда и поработать!

Стоял первый теплый день начала июня. Незаходящее солнце кололо длинными лучами торосы, и те откровенно плакали солоноватой морской водой. Над островом струились потоки теплого воздуха. Поднятые миражом, висели в полнеба дальние острова в море и синий хребет Ая-Бырранга в тундре. Даже лишённая романтики суровая железяка – карабин – разомлела, отяжелела и приткнулась к локтю тёплым железным боком.

Сергей незаметно заснул, во сне снова стал ребенком и пас у себя, в деревне, гусей на пруду. Вместе с гусями мать строго наказала “пасти” и младшего брата Ваську. Непоседливый двухлетний Васька все лез поближе к гусятам. Вот серый гусак, нахальный и важный, шипит на ребенка, подбегает и щиплет его за пухлую ножку. Он, Димка, с хворостиной в руке спешит на защиту братика, а гуси недовольно гогочут.

Так наш охотник и проснулся, так и проснулся под радостный гусиный разговор. Вокруг, в синем небе, от края до края, тянулись живые треугольники и косые пунктиры гусиных стай. Оживает, оживает тундра, начинает дышать и цвесть! Кончилась, кончилась долгая зима, впереди короткое благодатное лето!

Наконец, Димка вспомнил про намотанный на кулак шнур. Осторожно выглянул из-за тороса. Ага, вот они! Три нерпы, как раз на план, лежали на краю лунки и нежились под ярким солнцем. А ну, попробуем!

В лунке хлопнуло, и забурлил фонтан воды, выбрасывая яркие искры. Столбом поднялся злой черный дым. Перепуганные животные отпрянули. Казалось, даже подбежавший человек испугал их меньше, чем горящая вода.

Отлично сработано! Попались, голубчики? Сушиться теперь вашим шкурам против солнышка в жаркий день!

Обе самочки откровенно плакали, - или это вода скопилась в глазницах? Но самец храбро выступил в защиту гарема и сходу атаковал лыжную палку, крепко прихватив ее небольшими белыми зубками. Димка не спешил стрелять. Впервые видел он этих небольших тюленей не на мушке прицела, а вблизи, хоть гладь, как собаку.

Аккуратное, каплевидное тело. На передних ластах здоровущие, как у белого медведя, когти. На футбольно-круглой голове никаких тебе выступов, даже ушей, а только усы и не отражающие свет черные глаза. Тюлень этот живет в прибрежных бухтах. В полярную ночь, под двухметровым слоем льда, умеет он отыскать свои несколько лунок, через которые дышит и которые поддерживает незамерзающими всю зиму. Как находит он себе рыбку на обед, как не заблудится в чернильном мраке – и представить трудно.

Ясно одно: кто бы ни сотворил это животное, Господь Бог или эволюция, оно уникально и неповторимо. И вот - выстрел, и перед тобой вместо чуда земного просто кусок мяса.

Поняв, что стрелять в такой день не сможет, Димка потоптался на месте, хотел погладить самочек, но те, не так истолковав его движение, отпрянули в сторону.

Хотел отобрать у самца лыжную палку - не удалось. Провел с ним трехминутную беседу на тему о частной собственности на средства передвижения по снегу - никакого результата!

- Ну, не будешь ведь ты там, по дну, с лыжной палкой костылять! Отдай, морда усатая!

Но тюлень притворился, что не понимает. Пришлось дать ему щелбана, и в тот момент, когда неблагодарный открыл пасть, чтобы вцепиться в руку, быстренько отдернуть и руку, и палку.

Напоследок Димка обозвал самца жирным бурдюком и добавил еще парочку эпитетов из школьно-коридорного лексикона. В ответ хозяин гарема лишь слабо тявкнул: дескать, малограмотен и модерновой лексике не обучен.

Подхватив карабин на плечо, Сергей заспешил прочь, дабы не нервировать больше “дам” и дать, наконец, животным уйти в родную стихию.

Самец сразу же сунулся к лунке и тут же отпрянул: страшно пахнет дымом и гарью!

Пришлось охотнику вернуться.

И увидели тюлени, как в этот день весенний человек встал на колени и вычерпал рукой плававшие в лунке горелые бяки и радужные пятна и присыпал все вокруг чистым, талым снегом.

Все же ластоногие не решались нырнуть. Самец все нюхал воду и недовольно фыркал, брезгливая мина почти читалась на его круглой усатой морде.

- Как хочешь! - сказал нерпяку Димка. - По молекуле я тебе выбирать не буду. Не нравится - сиди на льду! Вот придет “босой”, он мигом от всех комплексов излечит!

Медвежий довод возымел действие. Самец решился и нырнул. За ним - самочки. Плеснула и вскинулась вода в лунке, и кино кончилось.

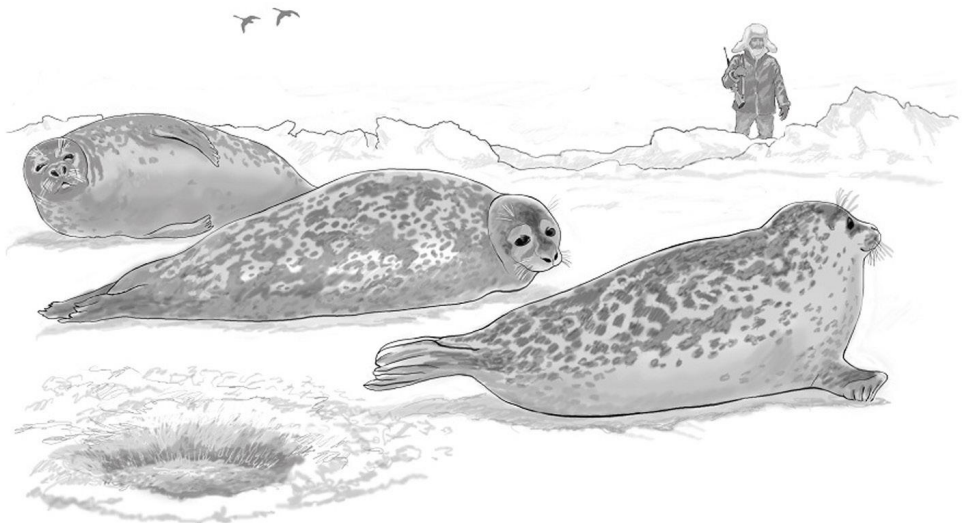
Смеясь про себя, Димка заскользил на лыжах назад, к зимовью.

А вокруг полыхал весенний день! Низко пронеслась стайка уток. Еще одна. Пролетели длинноносые кулички с узкими изогнутыми крыльями, красавицы гаги-гребенушки и легкие игрушечные шилохвостки.

На проплешинах тундры сшибались в драке краснобровые петухи куропаток, береговые скалы нагрелись, и руке приятно было это каменное тепло. Из расщелины в базальте, цвикнув, вылетела пуночка. Там, в тайничке, гнездышко, и в нем уже два голубоватых яичка!

Подойдя к зимовью, Сергей не мог не улыбнуться еще одной идиллической картине: ручной лемминг Чунька, которому всегда оставлялось немножко овсянки, тоже выполз на тепло. Столбиком стоял он на пороге, подставив лохматое пузечко солнцу. Преуморительно шевелил усатой мордашкой и закусывал зернышком, довольно щуря черные бусинки глаз.

Владимир ЭЙСНЕР



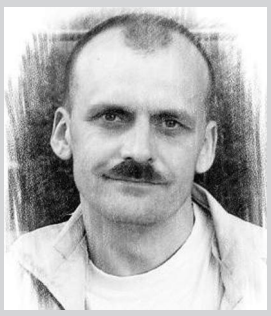
Псков

Анна Александрова

Родилась в 1981 году в г. Пскове. Кандидат наук. С 1998 по 2001 год обучалась в театральной студии «Татьянин день» (под руководством заслуженного артиста России И. Криворучко). Стихи и рассказы пишет с 13 лет. Печаталась в газетах «Плюсский край», «Стерх», в сборнике псковских писателей для детей и юношества «По дороге из детства в юность» (Псков, 2000), «Родом из мироздания» - альманах Литературной студии (Псков, ПГПИ, 2002). Играет на гитаре и поет, В настоящее время живёт в Москве.

Из Турина

Она приземлилась, да,
Она улыбнулась всем -
Ирина, наяда льда,
Богиня испанских тем.
Птицы свою узре.
Как красота хрупка!
В золоте ли, в серебре -
ей мало уже катка!
Страшна устремленность ввысь.
Как вверить себя ветрам?
Но это и будет жизнь:
Весь этот горний хлам.
Перешагнувши раз,
себя приравняв к богам,
уже не войдешь в экстаз
вот так, из любви к ногам,
не узнаешь глаза
в зеркале и в воде,
оступиться - нельзя,
ибо живешь в нигде.
На заре Назарет
вздохом своим разбуди.
Считай, что тебя уже нет.
Только иди, иди.



Андрей Бениаминов

Родился в Пскове, в 1968 г., здесь же живу и работаю. Стихи пишу с юности, но отношение к поэзии, а точнее, к себе в поэзии, значительно изменилось после знакомства со Станиславом Александровичем Золотцевым. Публиковался в сборниках стихов «Русские» М:2008 г., «Часовые памяти» М:2011 г.; «В Ордене зажжённой искры» М:2011 г.Член Русского литературного клуба (с 2009 г.), член Союза писателей России (с 2010 г.), лауреат международной литературной премии имени Сергея Есенина за 2010 г.

ЕСТЬ В РОССИИ МЕСТА

Есть в России места,
Где природа чиста,
Где сердца у людей не остыли.

Там, вдали от столиц,
Больше искренних лиц,
Там родник русской славы и силы.

Там не бросят в беде,
Не откажут в еде,
Там помогут, чем могут, всем миром.

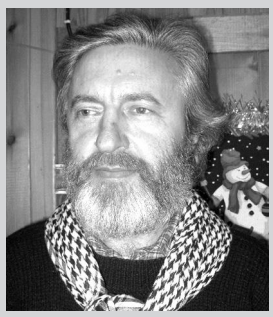
Там невест чистота
И людей красота,
Там не строят дворцов и кумиров.

А у тихой реки
Там сидят рыбаки
И поют соловьи на рассвете.

Там живет мой народ,
Там природа цветет,
Там смеются заливисто дети.

Деревенский уклад.
И наверно сто крат
Буду Господу Богу молиться.

Чтобы тысячи лет
Теплый искренний свет
Освещал эти русские лица.



Юрий Иванов-Скобарь

Родился и вырос в Омске, живу и работаю на Псковщине (здесь мои корни). В 2010 году выпустил сборник стихов «Хронология обстоятельств». Люблю «тихих» лириков, уважаю всех остальных.

Я подвержен обычным порокам…

Я подвержен обычным порокам:
целованью отвергнутых жён,
сигаретой отмеренным срокам
я не верю. И пью самогон.

К смерти я отношусь несерьёзно:
в русских весях - отпетый буддист;
словно в кроне родимой берёзы
закачался вдруг пальмовый лист.

Что вы, мама? меня не корите.
Заунывное пение мантр,
как Давида враньё на иврите,
тот же отдых души и ума.

Мне простят православные предки
бритый череп и жёлтый халат;
они сами собрали объедки
со стола иудейских ребят.

Ой, Перуне, Ярило и Макошь,
вас на пенсию с треском ушли!
Не забыли поставить, однако,
там, где капи, церквей корабли.

Я ведь тоже искал Беловодье
от Амура до Псковских болот.
Знал людей, но знавал и отродье,
совершая свой жизневорот.

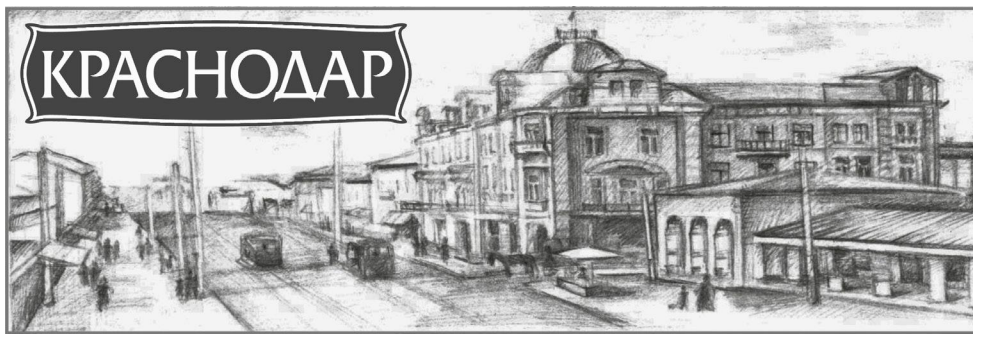
Под судьбой, под звездой или богом
тени будд в свой назначенный час
растворятся в небесных чертогах,
за собой призывая и нас.

Но, когда надоест изученье
жизни, смерти, любви и окрест,
всё равно - без мученья, с мученьем -
лягу в землю под русский я крест.

В мае

А ночи — заметно короче.
Бреду переулком случайным.
Как воздух прозрачен и сочен,
а дом засыпающий — тайна.

Я мимо пройду, не узнаю,
что в доме, в такой-то квартире,
по вечному правилу мая
я — чей-то единственный в мире.



Мухамеджанова Мадина

В 2003 г. окончила журфак КубГУ, позже получила второе высшее образование по специальности «Практическая психология». В настоящее время частный психолог-консультант и имиджеолог. Стихи начала писать еще в детстве, и много лет всерьез считала себя поэтом, пока в 20 лет не поняла, что это слишком скучно – ограничивать себя одной этой ипостасью. Жизненное кредо заключается в четверостишьях:

...а чувства мои – крылаты.
и я – сама себе мера :
банальностей не бояться,
не ангелом быть, не стервой -
свой путь выбираю жить.
...вам - слишком важно казаться,
мне нравится просто –
Быть.

Злое

...порою мне кажется -
все это не со мной,
и кто-то другой проживает
мой день вот так,
орудуя в кузнице сердца, чтоб сердца бой
расплавил зрачок и
отлил в золотой пятак -
и я его бросить могла бы в твою ладонь,
когда ты попросишь
у Бога чуть-чуть любви...
иначе - как мне объяснить
этот злой огонь,
горящий в железной клетке моей груди?!

Про запас

...я распускаю солнце по плечам,
чтоб свет его, пробившись
сквозь ресницы,
на дне моем нашёл себе причал
и в полночь страшную
сумел бы мне присниться -
когда, сжигая пальцы светом звезд,
сомкнувшихся браслетом на запястье,
в дождливом сумраке
распущенных волос
я буду вновь искать дорогу к счастью...

Опять

...ну прости,
Я опять отколола ненужный номер.
потянувшись спросонок,
смешала карты,
перепутав нечаянно все пароли
и военные наши с тобой штандарты...
Показалось -
мы стали не просто старше.
Может, лучше немного?
Чуть-чуть новее?...
Ты прости, прошлогодним
прощальным маршем
моё сердце дальше идти не смеет,
и не хочет.
Поэтому - беспричинно,
без мудренных процессий и ритуалов,
замерзая в твоей ледяной учтивости,
я опять - босиком по знакомым скалам
без штандартов, истрепанных
в прежних битвах,
без паролей, которых не сохранила...
...прорастает горлом письмо-молитва,
но слова её не имеют силы.

А небо входит

...а небо входит в моё окно,
меняя цвет твоих глаз и слов.
И я бы хотела им верить, но
ты тоже к этому не готов.
И я не готова к твоей любви,
и нежность камнем идет на дно -
меняя цвет твоих глаз и вид...
А небо входит в моё окно.

Любовь Сирота

Родилась и выросла в Грозном (если год рождения важен, то можно указать: 1951), окончила Кубанский мединститут, живу и работаю в Новороссийске (подростковый нарколог). Стихи пишу с детства.

Ночь

Ветер вздыхает — кузнечный мех
Или невидимых крыльев мах.
Всё затихает: и крик, и смех.
Люди уснули в своих домах.

Воздух чуть влажен, тяжёл, ворсист,
Словно уютный медвежий плюш.
Клонится отяжелевший лист,
Капли роняющий в бездну луж,

В травы, подёрнутые луной,
Мягкие, как переросток-мох...
Ночью он выглядит — рай земной —
Именно так, как задумал Бог.

Высшие замыслы в нём царят,
Ибо не виден среди щедрот
Так и не вписанный в стройный ряд
Бедный, смешной человечий род.

Господи, спим, от грехов устав,
Обречены Твоему суду.
Да неужели Ты, нас создав,
Именно это имел в виду?

Избаловал ли своих детей,
Недоглядел, недодумал нас?
Или в оркестре Твоих затей
Мы — предумышленный диссонанс?

Что-то заплакало мне в ответ,
Меленьким дождиком морося...
Что же так любим мы этот свет,
Несовершенство в него внося?

Пустырь

Смотри, мой сын, внимательно смотри,
Запоминай седые декабри —
Седые от тумана — не от снега,
И эту сырость южных январей,
И то, как изгаляется Борей
И гром гремит, как старая телега.

Смотри, мой сын. Я выросла не тут,
Меня причуды климата гнетут
И злят порой, но ты — иное дело:
Ты в этой мгле норд-остовой рожден
И звать ее своею принужден
И помнить до последнего предела.

Смотри: уже над морем рассвело,
И, накренясь на правое крыло,
Сопротивляясь ветру, реет птица.
Запоминай подробности, мой сын, —
От магии родимых палестин
Не уберечься и не защититься.

И да хранит Всевышний те края,
В которые врастёт судьба твоя,
Да обречет их миру и покою.
...А тот пустырь — он домом был моим,
Который жив, лелеем и храним
Моей непреходящею тоскою...

Игорь Бурдонов

Литератор, художник, родился и живет в Москве. Закончил мехмат МГУ, доктор физико-математических наук. «Литература и поэзия – увлечение столь же давнее, как математика, - пишет о себе Игорь Бурдонов. - Но главный импульс возник не сразу, а лишь после начала увлечения Китаем». Публикации в журналах «Новый мир», «Саксагань» (г. Кривой Рог), «Край городов», «Митин журнал», сборниках хайку, газетах «АиФ», «МОЛ», сборниках поэзии и прозы («Московский Дом» и др.), а также в электронной Библиотеке Мошкова. В 2008 году вышла книга стихов «Ритуальные числа».

Член Союза литераторов России, МСП «Новый Современник» и Московского салона литераторов

МИКРОАТЮРЫ

Микроатюра – это еще меньше, чем миниатюра. *(Хотя «миниатюра» – вовсе не от слова «мини» – кто бы мог подумать? Она от латинского tinium — красные краски, применявшиеся в оформлении рукописных книг.)*

Из цикла «АЛЕКСАНДР И АНДРЕЙ»

Александр сказал:
– Я расскажу Вам историю жизни и смерти.

1. Обнимающий

И вот в одной руке он держал леденящий огонь, а в другой – обжигающий лёд.

Ещё никогда мечта всей его жизни не была так близка: стоит только хлопнуть в ладоши.

Но сил уже не осталось: он так и умер со скрюченными руками, будто в попытке обнять весь мир.

Но мир не хотел, чтобы его обнимали.

– Давайте лучше поговорим о любви, – нахмурился Андрей.

2. Прикосновение

Даже во сне её мучили воспоминания: нет, не столько о самом мужчине, сколько о прикосновении к её левому предплечью холодного и влажного кусочка его кожи.

Даже когда она с головой погружалась в переделку рекламных проспектов, пытаясь закончить работу в срок, её левое предплечье нет-нет, да подрагивало.

Она пыталась найти противоядие в прикосновении к своей правой щиколотке горячего и сухого кусочка кожи другого мужчины, старого друга, всегда готового придти на помощь.

Но всё тщетно, и её подсознание уже понимало это, а она ещё не понимала и только тихо скулила, сжимая в руках холодную и влажную ручку душа.

Александр не выдержал:

– Сентиментальщина! Вот настоящая космическая история.

3. Песня древних

Космический зонд не вернулся, и старый пилот почесал своё нижнее ухо.

Вся команда знала, что это может вызвать серьёзные осложнения во время скачка.

Но что поделаешь: ухо так чесалось, что у китайского манипулятора отломились все белые пальчики.

Галактика погружалась в сумерки, и только древние, как всегда, летели нигде и пели песню о планете с непроизносимым именем.

– Попса! – Андрей презрительно рассмеялся. – Я предпочитаю мистику искусства.

4. Картина

Когда гости проснулись, они стали рассматривать картину.

Те, кто сидел справа, увидели маленькую девочку в белом платье, которая разговаривала с большой мохнатой гусеницей.

Те, кто сидел слева, увидели голую беременную бабу без головы, которая держала в приподнятой руке какую-то грязную тряпку.

Художник сидел на балконе в плетёном кресле и смотрел в безоблачное небо синими мёртвыми глазами.

– Да что вы понимаете в искусстве! – заорал Александр. – Лучше послушайте...

5. Яблоки и груши

За Кремлёвской стеной на холме растут яблони и груши.

Они большие, старые и корявые.

Неизвестно, бывают ли на них яблоки и груши.

И если бывают, то кто их собирает и кушает.

– Плевать я хотел на ваши фрукты! – взвыл Андрей. – Вот, что я вам скажу...

6. Человек в форменной одежде

Человек в форменной одежде остановил меня и попросил прикурить.

Я потом долго думал, почему он меня остановил?

Наверное, что-то в моей жизни было неправильно, и где-то я совершил ошибку.

Человек в форменной одежде, если ты слышишь меня, отзовись!

– Однако странно Вы рассуждаете, – едва слышно произнес Александр и взвел курок.

– Отчего же? По-моему, вполне логично, – прошептал Андрей и тоже взвел курок.

А У НАС В ДЕРЕВНЕ…

1. Дядя Петя

Дядя Петя поправил ушанку, прищурился на припекающее солнце и, переложив топор в другую руку, сказал-спросил:

– Ну, как там, в Москве, что они решили, будет жизнь лучше, или как, а то ведь совсем плохая стала.

Я пробормотал что-то невнятное, ковыряя носком ботинка крепко вцепившийся в землю сорняк.

Дяде Пете был безразличен мой ответ, и, поудобнее ухвативши тяжёлый топор, он прошуршал дальше, глубокомысленно заметив, что живые не помирают, а мёртвые не живут.

А я потащился с наполненными вёдрами к своему крыльцу, думая не думая, что вот ведь так всегда: намаешься в городе, приедешь на пару дней, а тут сорняки, забор покосился, печка дымит, ну какой отдых.

2. На погосте

Приезжие деревенский погост часто путают с берёзовой рощей, да чего же путают: там и есть берёзовая роща.

Хорошо здесь: на пригорке деревья стоят высоко и легко, а свет и ветер проплывают насквозь свободно, не задевая ни тени, ни тишины.

Поставить бы маленький дом с хорошей печкой да беседку, и широкий крепкий стол, на котором прочно установилась бы кружка с горячим чаем, ну и пара графинчиков: с водкой и квасом.

Не так уж и сложно подгадать время, чтобы умереть в деревне, тогда похоронят на погосте, и, хотя не один ты тут, но можно и в очередь: пару недель поработал покойником, а в законные выходные – за стол в беседку…

3. Дождь

С утра шёл дождь, и за грибами не пошли, водку тоже не стали пить – надоело.

Он вышел на крыльцо, поставил кружку с чаем на стол и медленно, оттягивая удовольствие, закурил.

Крыша прохудилась, и сверху с расстановкой, на три удара сердца, капли падали в середину влажного свежего пятна на широкой половице.

«Придётся чинить, – подумал он и, скользя взглядом по мокрым ступеням, тощим ручейкам на тропинке, отяжелевшей и потемневшей от воды траве, ещё свежим берёзовым кольям нового плетня, раздавшимся и разукрашенным дождевыми брильянтами берёзам у соседского дома, невнятному в дымке лугу, тёмно-сизой полоске леса и разбегающимся, бестолково толкающимся облакам, ещё подумал: «Счастье», – и почему-то запечалился.

4. Верхние Чулки

Женщины деревни Верхние Чулки никогда не носят чулок, а в холода обматывают ноги бинтом.

Этот обычай зародился в незапамятные времена, когда мимо деревни, возвращаясь в Поднебесную, проезжали посланники китайского императора, а дочь генерала Ван Чу, уснувши, вывалилась из колесницы в придорожную канаву.

Сердобольные жители девушку подобрали, обогрели, накормили и выдали замуж, а она в благодарность научила их бинтовать ноги.

Со временем иноземное имя Ван Чу превратилось в более привычное русскому слуху название Верхние Чулки, но обычай сохранился и дожил до наших дней.

5. Человек, у которого есть жена

Пока по огородам и улицам деревни плывёт белый утренний туман, человек, у которого есть жена, сидит за печкой и не выходит во двор.

Но стоит только солнышку выглянуть из-за берёзовой рощи и своими лучами рассеять пары воды, человек появляется на крыльце, а потом и у калитки, и начинает ждать, когда вернётся его жена.

Но она никогда не возвращается.

И вот наверху зажигаются звёзды, в низинах зреет серый ночной туман, а человек, у которого есть жена, уходит в избу и ложится в кровать спать.

6. Макар

В деревне Макарово живёт Макар и гоняет телят.

Люди говорят: «Макар, не гоняй телят, иди вон лучше груши околачивать».

А Макар отвечает: «Что ж вы такое говорите, ведь я девушка», – и краснеет.

Вот ведь какие странные имена встречаются в старинных русских деревнях.

Алексей Казарновский

Поэт, родился и живет в Подмосковье. «Я много и с удовольствием путешествую, - говорит Алексей Казарновский, - поэтому пишу, в основном, «путевые заметки» в стихах. Еще люблю историю, которая тоже довольно объемно представлена в моем творчестве. Стихи часто становятся песнями».

Печатался в журнале «Лауреат», в сборниках и альманахах МСП НС («Признание в любви», «Времена года», «75 лучших строк», «Дом творчества»). Председатель правления МСП «Новый Современник», член Московского салона литераторов.

Имя матери

Он вспоминает детство, отчий дом,
Айову, Иллинойс, Флориду.
Полет не близок! Думай о своем,
Пока в ночи скрываются из виду
Огни на острове, где ветер и прибой…
И так, наверное, каждый в экипаже…
Несет машина груз привычно свой
И имя на зеркальном фюзеляже.
Написанная краской на борту,
Художника нехитрая работа
Таит в себе тепло и доброту –
Ведь это имя матери пилота.

По борту справа светится восток,
Скользит зеленый отблеск по экрану.
Радист пилоту передал листок:
Погода в норме, все идет по плану.
Плеснуло солнце, засияла даль,
Души коснулась сладкая истома.
Он про себя подумал: «Все же жаль,
Что мы сейчас с ребятами не дома!»
И улыбнулся, повторяя вновь
Хорошее названье самолета.
В нем слышались надежда и любовь,
Ведь это имя матери пилота.

Всему свой срок. Открыт совсем не вдруг
Пандоры черный ящик, и беда
Скользнула в бездну сквозь
открытый люк.
Машина безучастно, как всегда,
Чуть дрогнула в момент освобожденья.
Вираж, пилот стирает пот с лица,
Под ними город в утреннем движении,
И трепетно пульсируют сердца
Секундами обратного отсчета…
Раздастся эхом тысячам скорбей
Простое имя матери пилота,
Которую зовут Enola Gay…

О тонике и силлабо-тонике

Стучу я к соседу-хронику,
Открой, говорю, дверь!
Он бросил силлабо-тонику
И лесенкой пишет теперь.

Открыл, поглядел, как выстрелил,
Похмельным взглядом своим,
Бутылку джина я выставил
И тоника литр с ним.

Мол, в нас человеколюбие
Живет, мы отнюдь не глухи.
Свой тоник слегка пригубил я,
Он начал читать стихи.

Сказать бы соседу-хронику:
Оставь! Далеко ль до греха!
Но выпил он джин без тоника,
Летя по ступеням стиха.

Рубил топором ритмическим,
Гремучий плясал канкан.
Я слушал его стоически
Сжимая в руке стакан.

Наверное, туп по природе я,
Силлабо-тонический стих
Привычно струит мелодии
В отсталых мозгах моих.

Его же иные пристани
Зовут из новых времен.
Он лесенкой пишет неистово,
Скачками строк опьянен.

Грядущих громов провозвестником
Ревел он, и лют и лих,
И лесенкой, лесенкой, лесенкой
Все гнал он свой взмыленный стих.

Тошнило (наверно от тоника)
И ныло в груди моей.
Ах, где ты, силлабо-тоника,
Певучая, как соловей?

Потом захотелось повеситься
И стало совсем невмочь,
Я вывел его на лестницу
И там придушил в ту ночь…

Молитва

- Сохрани, - молю я Всевышнего, -
От соблазнов, греха и порока,
От ненужного и от лишнего,
От судьбы и от веры пророка,
От дремучести православия,
От бесцветности протестантства,
От невежества и тщеславия,
От кликушества и сектантства.
От двуличности католической,
От бездумности жизни в стаде.
Дай мне боже задатки личности
Не гордыни ущербной ради,
Не для чванства и не для корысти,
Не для ложно понятой святости.
Охрани меня от предвзятости,
От глухой иудейской косности
И буддийской бесплодной кротости.
Дай мне выпить чашу мою до дна,
Дай мне силы свой крест самому нести,
И да будет цель впереди видна,
И да хватит сил до конца пути.
И избавь меня, Боже правый,
От наивной веры беспечной,
От пустой ненадежной славы,
От придуманной жизни вечной!
Пусть минует меня твоя гроза,
Дай мне жить и умом, и трудом своим,
Твоего быть достойным образа,
Ибо создан твоим подобием…

Гармония

Мелькнет в гудящей бездне бытия
Гармония, пленяющая душу.
Едва возникнув, сладостно звеня,
Она скользнет во мрак, звуча все глуше,
Чтобы исчезнуть, как угасший свет.
Не шутит ли коварная природа?
Ее, быть может, и в помине нет?
Ведь хаос - абсолютная свобода -
Случайно воплощает даже то,
Чего не сотворит и светлый разум.
Живого созиданья торжество
Над сонной тишиной гомеостаза
Плеснет уверенно и звонко, но, увы!
Виденья ясных смыслов и явлений
Растают, робко выглянув из тьмы,
Оставив блеклый оттиск впечатлений.
И снова хаос, неопрятный хлам
Без проблеска, без мысли дуновенья.
И лишь зовет и ранит душу нам
Гармонии исчезнувшей мгновенье.
Мучителен и сладок этот зов,
Он душу обжигает и, сгорая,
Вдруг отразится в зеркале стихов
Туманным призраком утраченного рая.
И рифмы, словно слезы по лицу,
Сбегают так легко, без церемоний.
И можно уподобиться Творцу -
Создателю божественных гармоний.

«Букбастер»

Иду по Москве сквозь дыхание мая,
Сквозь улицы шум, птичий гомон и крик,
И вдруг с удивленьем названье читаю
В витрине, зовущей обилием книг.

Какой-то лихой словотворческий мастер,
Не склонный ловить семантических блох,
Легко переделал «блокбастер»
в «букбастер»
Не чуя, что смыслы скрывают подвох.

И что получилось? Исходное слово
На свет появилось довольно давно,
Хоть ныне исполнено смысла иного.
Однако «блокбастер» – не только кино.

Взлетая в военное небо, «Ланкастер»
Летел на восток по небесной тропе,
А в брюхе он нес через море
«блокбастер» -
Три тонны тротила в стальной скорлупе.

Я вам по секрету скажу, без апломба
(Совсем ведь недавно о том прочитал)
Звалась так английская авиабомба,
Которая разом сметала квартал.

“Block” значит «квартал»,
тут не нужно сноровки,
И что значит «баста» – отнюдь не секрет!
Итак, каламбурчик выходит неловкий…
Ну… «книгокончатель», -
не правда ли, бред?

Рекламные монстры шустры и зубасты,
Но как же коварны бывают слова!
А если уж книжный назвали «Букбастер»,
То литературные плохи дела…

Моссалит

Алексей Казарновский

Ветхозаветная история
(Ереванские фантазии)

Гляжу на гору Арарат,
Ее я видеть очень рад,
Поскольку издавна знаком
С одноименным коньяком.
Тут Ной ковчег причалил свой,
Слегка потрепанный волной.
Сошел на гору Арарат
И стал растить здесь виноград.

Был урожай совсем не плох
(Благоволил, как видно, Бог).
И Ной решил, что стоит впрок
В кувшинах заготовить сок.
Давить он начал виноград
И был своим успехам рад.
Трудился Ной, пыхтел, потел,
Но сок храниться не хотел,
И, как назло, за разом раз
Он начинал бродить тотчас.
Но Ной упрямый был мужик,
Сдаваться с детства не привык.
Давил упорно виноград
Он целых двадцать лет подряд.

Трех сыновей меж тем родил,
А сок в кувшинах все бродил...
Не знали б пьянства под луной,
Когда б не догадался Ной
Хлебнуть однажды этот сок,
На закусь сыра взяв кусок.
Он выпил не один кувшин,
Не ведая коварства вин.
И опьянел, конечно, Ной,
Уснул и захрапел, хмельной.

А сын его, что звался Хам,
Воскликнул: «Это что за срам?!
Какой позор, какой пассаж,
Какой ужасный раскардаш!»
Тут Ной проснулся с похмела
(Болела жутко голова),
Услышав бранные слова,
Он прорычал: «Что там за крик?»
И проклял Хама в тот же миг.
Так Хам покинул отчий дом,
И, божьим промыслом ведом,
Он в африканские края
Пришел, и там, как слышал я,
Хам наплодил себе детей
И жил без бед и без затей...

А Ной потом еще часок
Сидел и пальцем тер висок,
Ворча угрюмо: «Вот так сок!» –
Так деструктивно повлиял
На Ноя виноматериал.
И, чтобы не было беды,
Ной взялся снова за труды –
Пошел опять давить плоды.
Так продолжалось много лет,
И Ной стал стар, и лыс, и сед...

Но раз весеннею порой,
Когда под славною горой
Сады фруктовые цвели,
Пришел араб Абу Али.
Ему был Ной ужасно рад:
Ведь он на гору Арарат
Принес чудесный аппарат.
Перегонять сбродивший сок
Тот аппарат волшебный мог
И крепость повышал стократ,
И превращал он сок лозы
В подобье девственной слезы,
А вовсе не в денатурат.
Перегонял Ной свой запас,
Как видно, в добрый день и час.
Залит был в бочки самогон,
Там понемногу начал он
Приобретать тот вкус и цвет,
Которых в мире лучше нет.

Меж тем, заметив под горой
Дубовых бочек длинный строй,
Пришел сосед за первачом,
Понюхал и спросил: «Почем?»
Парами винными дыша,
Ответил Ной: «По три гроша».
Потом пришел другой сосед -
За первачом, не для бесед! –
Невразумительно урча,
Он все твердил: «Чача, чача».
Ной понял: это был грузин,
Уставший от некрепких вин.
Потом еще пришел француз
Попробовать продукт на вкус.
В один момент напился пьян
И повторял: «Tres bien! Tres bien!»
А вслед за ним зашел Иван,
Проездом в город Ереван,
С тех пор уже немало лет
Его напрасно ищут след.
А после мудрый армянин,
Взяв первача для именин,
Ходил опять за разом раз
И снова оформлял заказ.
И, будучи однажды пьян,
Привел с собой он всех армян,
И у подножья той горы
Живут армяне с той поры.

За годом год бегут вперед.
Со всех сторон идет народ –
Князья, купцы и всякий сброд.
Там и красавец, и урод,
Да впрочем, кто их разберет!
Так стал старик наш богачом,
Вовсю торгуя первачом.
Чтоб развозить товар свой, Ной
Заводит транспорт гужевой,
И утром, выйдя из дверей,
Он запрягает двух зверей –
Повозку тянут конь и як.
И все кричат: «Коньяк, коньяк!»,
Когда почтенный наш богач
Везет заказчикам первач.
В любой стране, в любом краю,
В аду, в чистилище, в раю
Все гостя ждут издалека
С желанной бочкой коньяка.

С тех пор прошли века, и вот
Забрел и я на винзавод,
Где и сегодня может всяк
Купить прославленный коньяк.
Напиток под названьем «Ной»
Не пьют в подъезде и в пивной.
И я, налив его в бокал,
Вкушал, а вовсе не лакал.
Как все прекрасно под луной!
Живу и верю в рай земной,
Пока стоит передо мной
Бутылка с этикеткой «Ной»!

Ереван. Ноябрь

В красный туф, словно в медные латы,
Аккуратно одеты дома,
И теплом дышит ветер заката,
Хоть совсем уже близко зима.

Лист платана увядший и хрусткий
Прошуршит под моим каблуком.
Тут легко и комфортно быть русским,
Не считая себя чужаком.

День как оттиск неяркого снимка:
Чуть поблек небосвод голубой,
И повисла предзимняя дымка
Над страною с нелегкой судьбой.

Ткань сюжетов крутых и несхожих
Здесь века прихотливо плели,
И античные лица прохожих -
Память древности этой земли.

Безотрадны ее откровенья
И надежды ее не близки,
И почудится вдруг дуновенье
Неизбывной библейской тоски...

Город нежится в свете заката,
Недоступный для северных вьюг.
Вдалеке силуэт Арарата
Ненадолго откроется вдруг

В белой шапке из вечного снега
И виденьем, плывущим в веках,
Прорисуется образ ковчега
У вершины в седых облаках.

Стихи в экспериментальных жанрах

Андрей Парошин

Тавтограмма

Люблю лихого ловеласа!
Лирический Лаокоон!
Льёт лучезарное лекарство
Ловец любвеобильных лон.

Льняные локоны лелея,
Лобзать ладони, лоб, лицо!
Лежать лиловою лилеей,
Любуясь ласковым лжецом!

Ломая лоск ленивый лада,
Лети лавиною ладей! —
Лучистый лепет листопада
Ловя лубками лебедей.

Ликуй, Ликург! ликуй, Людовик! —
Любви лукавой лишены.
Лугов лазоревый любовник,
Лиманы лижет луч луны.

Бабье лето

О бабье лето, воплощенье фарта!
Пора всенесравненного комфорта!
Сентябрь, сперва обдав
морозцем марта,
Нам дарит зной июльского курорта.

И солнышко в лесу — как песня барда,
А в небе лень и нега распростёрты.
Как будто из-под носа Скотланд-Ярда
Бесценное сокровище упёрто.

Но ход часов непобедим, как Спарта,
А лодырь слаб пред корифеем спорта.
И спринтер-ветерок, начав с фальстарта,
Задует листопад, как свечи с торта.

Вистует мгла, и бита лета карта, —
Чехля ракетку, исчезает с корта.
Бредёт разбитым войском Бонапарта
Дождливых дней унылая когорта.

Старый дурак

– Пойдём на целителя? В Майами приехал целитель! – кричит из кухни жена.

– Целитель нужен девушкам, а мужикам нужен хуйлитель, – и довольный своей шуткой прошаркал на кухню, пересчитывая в голове быстро набросанный список своих болячек.

– Один сеанс – восемь долларов, – продолжала выдавать жена, получая новости из телефона. – В два часа за нами заедут.

Ну, раз за нами заедут, так уж точно будем лечиться. Мне представилось, как ко мне подходит солидный дядечка, молча кладет свою большую теплую ладонь на голову, и спрашивает:

– Что у тебя?

А в глазах у него, если не любовь, то нежность необычайная. Мне становится стыдно, но жена уже заплатила деньги, и я говорю ему всё как на духу. А этот добрый человек мне:

– Не волнуйся, езжай домой, все будет хорошо.

Ну, думаю, не сегодня завтра, как пить дать, всё как рукой снимет.

– А он может за один сеанс меня вылечить? – не успокаиваюсь я, надевая свежую рубашку.

– А он и говорить с тобой не будет, – отрезает жена.

– Как это, как это? А как же он узнает про мои болячки? – И тут в меня вкрадывается первый червь сомнения. Интересно так же, про какие свои болячки будет говорить жена, а? Чужому мужику всё расскажет, а родной муж годами ходит в потёмках.

– А на каком языке он говорит? Пусть не со мной лично, а с залом?

– А мне – он, мол, целитель, ни с кем не говорит, только смотрит…

– Что значит, смотрит? – И в моей башке на минуту произошло короткое замыкание. Плакали мои денежки. За восемь долларов он даже и не разговаривает.

– Пойми, – убеждали меня, – он молча передает колоссальную энергию.

– А если мне не передастся?

– Знаешь что? В это надо верить, а если не веришь, то ни черта не получится.

– Так я и знал – неверующий, отойди в сто¬ронку, нечего под ногами болтаться у тех, кто с душой и верой.

Тут уж мой червь сомнений стал похож на дракона из русских сказок: многоголовый и злой. Но вот и Майами. От одних небоскребов мы неслись по шоссе к другим небоскрёбам, вырастающим прямо из воды. Вдоль берега стояли сказочные дворцы, а напротив белые корабли хозяев. После поворота направо пошли дворцы за дворцами, один красивее другого. Ни о каком целителе уже не могло быть и речи. Изо рта вылетало то ли «мама», то ли «Майами». Хотелось выскочить из окна и, взмахнув крыльями, без устали парить в сияющем небе над этим городом и океаном.

В фойе без труда купили билетики и стали в длинную очередь. Перед нами милая миниатюрная женщина. Она уже прошла один сеанс и собралась на второй. Видно, чего-то не долечила. Со всяким бывает. От неё я узнал, что сеансы уже состоялись и в 11, и в 12, и в час, и будут еще и в 4, 5, 6 и 7 вечера. Мы приехали на двухчасовой, а мужик уже четвертый час раздает энергию. Скорее, всего устал, халтурит, и у него там уже ничего не осталось. Мы, дураки, приехали к шапочному разбору – решил я, и мой червь теперь уж окончательно завял. Вообще-то энергии у меня самого предостаточно, и мне лишней совсем не обязательно, а вот здоровья маловато. А когда у меня нет энергии – значит, давление 220-230. Проверено. Было бы поменьше знергии, моя жизнь была бы куда лучше.

Организаторы, одетые в желтые майки, сажали всех в центр зала, чтобы легче было раздавать оставшуюся энергию. Перед зрителями стоял железный помост-сцена, высоко поднимающая человека над залом. Короче, ботинки выступающего приходились на уровень лица стоящего в зале человека. Мне, как дипломированному театральному инженеру, да еще из двух университетов, смотреть на это убожество было грустно.

На помост вышел высокий человек в белых брюках, и, разводя руками с большими ладонями, долго объяснял про феномен, который нам предстоит увидеть. Лечить – может, не вылечит, а энергии будет выше крыши, и это от нас зависит, как мы ею распорядимся. Я не мог отделаться от мысли о том, что ведущий с его ростом и огромными, как весла, руками, так напоминает мне Евтушенко. Но у поэта - бездонные голубые глаза, сверкающие белизной вставные зубы, актерский талант, и многое такое, чего у этого прохвоста никогда не было и не будет.

Он так долго рассказывал об исцелениях и славе, о бывших аншлагах в Европе и Америке, что времени для святого показать чудеса и нам почти не оставалось. И вот, наконец, свершилось.

На пустую сцену стал подниматься довольно странный молодой человек в джинсах и белой, на голое тело, несуразной рубашке с длинными рукавами, повисшими ниже кулаков. На круглой голове - соломенные волосы. Он плавно развернулся, стараясь не расплескать себя, и уставился в центр зала. Его выход напоминал поход провинившегося мальчика паиньку в угол, для того чтобы понести наказание за плохой поступок. Он начал медленно поворачивать голову и водить глазами по рядам. Глазки были маленькие, невыразительные, и, пройдя по мне, не остановившись и не дав ничего, они пошли по другим лицам. Старый дурак! Я же до начала этого цирка понял, что у него на четвёртый сеанс ничего не осталось. Надо было прийти на первый сеанс. Жена-экономист сказала, что он по головам считал деньги. Доверяй, мол, да проверяй. Я пытался заглянуть вовнутрь себя и ощутить прилив чего-то, но ничего не нашел. Пусто. Нигде ни хрена нет. Даже подумалось, а не взял ли этот прохвост чего у меня? Я смотрел в затылки и попы своих обманутых сотоварищей и думал, а видят ли они этого мошенника, как и я, или напитались энергией и от восторга ничего вымолвить не могут. Одна пожилая дама из третьего ряда всё время держала руки в небо, как перед Христом. Пересчитав всех в зале, целитель, так же молча развернулся и, словно боясь не упасть, сошел с помоста и скрылся за дверью с телохранителями.

Из-за кулис вышли белые брюки, и, конечно, возникли восторженные зрители из зала. Грубый колхозник из глубинки сдержанно объяснил нам, дуракам, как «великий истукан» помог ему, но не сразу, а только на третьем сеансе, а поскольку Бог любит троицу, он и нам советует немедленно бежать за билетами. Я думаю, «святой» за дверью с ним тоже был согласен. Попросила микрофон рыжая неврастеничка в ситцевом платье и, захлебываясь, рассказала, как он помог ей, и теперь она очень счастлива.

– Ну, вот видите, – объяснил ведущий, – я же вам говорил. Ну, а кто ничего не получил, то есть энергию, тот почувствует её попозже, но лучше купить билеты – у нас их много – и пройти сеанс еще раз, а лучше три и больше.

Думаю, что целитель за дверью с ним был полностью согласен, но народ, опустив головы долу, устремился на улицу. На улице над нами нависла огромная черная туча, и не успели мы рассесться в машине, как рванул сильный ливень. Как будто разгневанный Бог спрашивал:

– Вы чем это, паршивцы, занимаетесь, а? Стоит только отвернуться на минуточку, как тут уже проходимцы из Европы вам мозги полощут. А вы, как идиоты, открыли рты и кошельки. Учу вас столетьями, и всё как об стенку горох.

В машине я бушевал и поливал всё трёхэтажным матом, не забывая и себя. Старый дурак! За восемь долларов можно было купить тарелку вкусной жратвы. Этот скотина на нас так и смотрел, как на тарелки со своей жратвой. А ведь какую шайку сколотил! Никто и носа не подточит. И судить не за что. Он даже слова не произнес, только стоял и смотрел. За кулисами ему, видимо, посоветовали:

– Барцо, тебе всё равно делать нечего, да ты и ни черта не умеешь, только водку жрать. Смотри мне, еще три сеанса простоять надо.

В машине становилось душно. Старый дурак! Как мальчишку провели. Дождь лил немилосердно.

–До тебя ничего не дошло, потому что нет знаний. Об этих вещах мало что кому известно.

– Ах так?!

Сначала я был просто Фома Неверующий, а теперь еще и Ванечка-Дурачок, тупица. Я сказал, что я родился хоть и ночью, но не вчерашней, и кое-что успел узнать и понять, и в том, что вам трудно сознаться, что и вас обвели вокруг пальца, я не виноват. Я уехал из Нью-Йорка от паразитов, так они меня в Майами достают, аж из Югославии приехали. Дело не в восьми долларах, люди идут с надеждой на избавление от недугов, а тут чистой воды шарлатан. Он плюет людям в души, но, как говорила моя старая знакомая, «видишь дерьмо – не вступай». А я опять – старый дурак... Ай-яй-яй...

Михаил НЕРЖИН

США

Переход

В Америке кризис, в России кризис, в Магрибе, мы его не знаем - тоже кризис. Всепланетная эпидемия. Звонишь друзьям в другую страну, первым делом они сообщают: у нас кризис. Потом спрашивают: а у вас? А у вас? А у нас в квартире газ. По случаю кризиса, у Греты вместо одной работы - три с половиной. Основная, на сорок часов в неделю, да еще подработки в нескольких бизнес-школах. Безработные хотят освоить новую специальность, иммигрантам нужна легальная учебная виза. Профессиональное образование на подъеме, а Грета – хороший преподаватель. Так что по выходным Грета снова едет на работу. Из Манхэттена в Квинс, или в Бруклин, ну и обратно, конечно. Обычно на машине, потому как на метро выходит долго и непрелестно. Грязь, вонь, бомжи и сумасшедшие, опять же пересадки, медленное расписание выходного дня, нет, на машине гораздо спокойнее и быстрее.

Сегодня придется ехать на метро. Всю ночь шел снег, машину занесло, дороги не расчищены. Хочешь не хочешь, а лезь под землю. Ладно, села, поехала. Ничего, только вот глаза слипаются, пришлось рано встать, ехать-то дольше, а спать в метро нельзя. Не рекомендуется специалистами по безопасности. Можно проспать сумку, перчатки, а то и жизнь, всяко бывает. Повезло, «А» идет экспрессом, так что за полчаса довез до 42-й. Теперь нужно выйти и пересесть на линию «7».

Грета забыла, когда в последний раз ездила на «семерке», поэтому пошла по указателям. По лестнице наверх, через длинный мезонин с магазинами, артистами и толпами людей, двигающихся во все стороны одновременно, и налево в длинный переход до Седьмой авеню.

Коридор длинный и узкий, душный, облицован грязным, когда-то белым кафелем. И горбатый, полпути поднимаешься вверх, а потом идешь все время вниз. В начале коридора поставили длинный узкий стол проповедники Церкви Последних Дней святых, предлагают бесплатно тоненькие брошюрки о спасении души, их никто не берет. Дальше по коридору, метров через десять, сидит у стены черный человек, который политкорректно называется афро-американец, и бьет барабанными палочками по опрокинутым пластмассовым ведрам из-под краски. Музыкант он никакой, но выходит очень громко. Это он так милостыню собирает. Не видно, чтобы подавали.

Грета минует барабанщика и упирается взглядом в седовласую даму с колокольчиком. Дама одета в дорогое меховое пальто, на голове у нее красная шапочка с белой оторочкой, рядом с ней – тренога с висящей на цепи красной жестяной копилкой с прорезью в крышке. Это – Армия Спасения, а дама, звонящая в колокольчик, – богатая благотворительница, собирает рождественские пожертвования для бедных. Наверное, уже выписала чек на двадцать долларов и в полном восторге от собственной щедрости. Она больше потратит сегодня же на маникюр. Грета минует даму, поднимает глаза и на потолочной балке читает:

OVERSLEPT.

– Проспала? - удивляется Грета. - Ну да, я сегодня немного проспала, ну так что? Кому какое дело? Нет, мне наверное показалось. Ничего такого там не написано. Просто я устала, переработка накопилась, вот и мерещится. - Она идет дальше, обходит спящего поперек коридора тощего наркомана, проходит еще несколько метров, поднимает глаза и читает на балке написанное большими буквами:

SO TIRED.

- На самом деле написано. Большими черными буквами, и точка стоит. Так устала. Правда, очень устала, и кому все это надо? Совсем я обалдела с этими работами. И платят мало. Устала, ах, правда – так я устала.

Она идет дальше по коридору, глаза вверх, считает балки. На десятой балке новая надпись:

IF LATE,

– Незаконченная мысль. Поэтому и запятая. Значит, будет еще надпись. Что они со мной сделают, если я опоздаю? Ничего, пожалуй. Вычтут деньги, даже если всего на пять минут позже отмечусь. Черт с ними, пусть подавятся. И так еле тащусь. Коридор какой-то бесконечный, и стишки депрессивные. Ну что там на следующей десятой балке?

GET FIRED.

– Это навряд ли. Пока курс не закончится, во всяком случае. Хотя ничего исключать нельзя. Понадобится устроить кого-то из своих, могут и уволить, у них не заржавеет. Курс, к счастью, требует специальных знаний, так что шансы на увольнение есть, но небольшие. Малку вот уволили позавчера, в пятницу. Подошли в конце дня и сказали, чтобы в понедельник не выходила, в ней больше не нуждаются. И охранника приставили, чтобы в компьютере ничего не испортила.

WHY BOTHER?

– Ну они молодцы! В самом деле, чего беспокоиться? Все мы люди маленькие, работаем без контрактов, никаких договоров, все на словах, и никто никому ничем не обязан, так чего? Чему быть, того не миновать. Малка встала, собрала свои фотки, фигурки и лекарства в пакет и домой пошла. Бесполезно спрашивать - почему, и плакать нельзя, расстроятся и потом рекомендацию не дадут. Так что иди, считай балки. Работа есть, это хорошо.

WHY THE PAIN?

– Сердцу не прикажешь, оно все равно – болит, страдает. Все ж таки человек не собака, да и собаку кто-нибудь пожалеть должен. А по здравому размышлению, страдать не надо. Может, они тебя вчера выгнали, а завтра сами гепнулись. Да, они сегодня не орлы. Как Малкин босс - стоит перед ней, вычитывает, а сам обе руки себе сзади в штаны запустил и задницу чешет. Безотчетно, потребность у него такая фрейдистская. Не знаешь, кого и жалеть. Вот она, десятая балочка:

JUST GO HOME

– Это правильно, это по-нашему. Иди домой, лучше места все равно нет. Там тебя кто-нибудь ждет, человек, или кошка, или рыбка в аквариуме, ковер, камин и кресло-качалка. У кого что. Сейчас столько бездомных, с каждым днем все больше. Потерял работу, нечем за квартиру платить, не успел оглянуться, а уже пришли, выселяют. Никому и дела нет, что ты старый, одинокий и больной на голову, выкинут вместе с рыбкой, и аквариум на голову наденут. Дадут направление в шелтер, приют по-нашему. Белому человеку чем туда идти, лучше сразу удавиться. Ну это я так, неполиткорректно усугубляю. Вот она, последняя балка:

DO IT AGAIN.

– Начни все сначала. Эх, раз, еще раз, еще много-много раз. Что-то я подустала начинать сначала, такие мои годы. Странные стишки, не к лицу нашей имперской столице. Ладно, выше голову, товарищ. Вот лестница вниз на «семерку», а там и поезд ждет меня на станции. Грех жаловаться.

Грета села в поезд, двери немедленно закрылись, и перрон покатился назад, а с ним и коридор, и барабанщик, и брошюрки о спасении души. На обратном пути, вечером того же дня, коридор оказался закрыт - обнаружили чемодан без хозяина, вызвали саперов. Пришлось ехать до другой станции.

Нина БОЛЬШАКОВА

Юрий Нестеренко

Родился в 1972 г. в Москве. В 1989 окончил физматшколу №542 при МИФИ и поступил в означенный институт на факультет кибернетики. В 1995 окончил МИФИ с красным дипломом. В настоящее время занимается больше литературой, чем программированием, хотя с последним тоже не распрощался (в частности, является автором всефидошно известной игры FIDO). Был одним из сценаристов игр «Иван Ложкин: цена свободы» и «Космические рейнджеры». Ведущий автор мультимедийных журналов об играх SBG Magazine и GEM, сайта «7 Волков», ныне работает для сайта Playhard.ru. С 2000 года летает не только в симуляторах, но и в жизни; с 2009 занимается дайвингом. Неоднократный лауреат Всероссийского Пушкинского молодежного конкурса поэзии. Автор многих стихов, прозы (преимущественно научной фантастики) и юмористических произведений. Живет в Нью-Йорке.

Нью-йоркская осень

Огненно-красный клен,
как застывший взрыв.
Желтый пожар акаций. Крыла раскрыв,
Лебедь сияет над синевою, где
Белое пламя солнца горит в воде.

Золото, олово, медь, аметист, рубин -
Все, что сокрыто во мраке
земных глубин,
Вырвано осенью вверх и летит, горя,
Прямо в лицо наступившего ноября.

Нет, не агония, нет, не последний плач
Мокрых берез, что терзает ветер-палач!
Нет, не туманная траурная фата -
Ярость, холодная ясность и чистота.

Это все там, за полмира отсюда, пусть -
Серая хмарь, безнадежность,
покорность, грусть...
Здесь — только дерзкий вызов,
что шлют холмы
Яркостью красок белому злу зимы!

В вызове этом я чувствую дух страны,
Не оттого ль так свободны ее сыны,
Что даже здешняя осень их учит так -
"Стой до конца! Уходи, не спуская флаг!"

В ярких мундирах деревья
ведут свой бой.
Норма — тепло!
А зима - лишь досадный сбой!
Look and remember -
never give way to dark!
Sunny November glitters in Central Park.

Литературное

Прославленный критик,
закрывши роман,
Взглянул, как прозектор
при вскрытии трупа,
Иль как прокурор, раскусивший обман,
И начал: "Герои ведут себя глупо,
Мотив героини вообще не понять,
Ее монолог — квинтэссенция фальши,
Пошлейшая сцена в главе номер пять,
И тот же прием повторяется дальше.
Избитые штампы во многих местах —
Завистница гадит, ханжа лицемерит...
Уж не говорю о роялях в кустах,
В какие ребенок — и тот не поверит!
Старик слишком просто поверил молве,
Распутник не мог не увиться за дочкой,
К чему эта тетка в девятой главе? -
Здесь дяде бы надобно быть одиночкой!
Нет искры в речах, предсказуем финал,
Сюжет недокручен, интрига провисла -
Как это вообще напечатал журнал?!
Здесь нет ни таланта,
ни вкуса, ни смысла!"
Но автор с печальной усмешкой волхва
Внимал обличеньям подобного рода:
Все взял он из жизни - сюжет и слова,
Не выдумав ни одного эпизода.
А критик терзал злополучный роман,
В нем не находя ни единого плюса...
Что делать, сеньоры: судьба - графоман,
И нет у нее ни таланта, ни вкуса!

Туристическое

Каждый город мечты —
для кого-то постылое место,
Всякий рай для туристов кому-то -
обыденный ад.
Эта истина служит лекарством
от чувства протеста,
Что всегда возникает
в преддверье дороги назад.

Но пока еще рано готовиться
к этой дороге,
Небеса лучезарны,
искрится на солнце река,
И гранитные стены дворцов
величавы и строги,
А кудрявая зелень садов весела и легка.

Что такое есть город,
воспринятый взглядом пришельца?
Совокупность фронтонов,
фонтанов, колонн и ротонд,
Средоточие статуй,
рожденных рукою умельца,
Красота панорам,
подменивших собой горизонт —

Ничего, кроме этого.
Прочее — только докука,
Что мешается в кадре в своей
повседневной возне.
Впрочем, стены квартир служат
прочною клеткой для звука,
И стекло непрозрачно
для праздного взгляда извне.

Живописный фасад
не подаст ни единого знака
Объективам туристов
с прогулочного корабля,
За каким из окон в этот миг
умирают от рака,
За какой занавескою горла
коснулась петля.

Так и дОлжно.
Иное не вписано в стоимость тура.
Фото ляжет в альбом,
не испортив пропорций дворца.
Косной мокнущей плоти,
бесспорно, важнее скульптура,
Холст важнее модели,
творенье важнее творца.

Боль становится небылью,
небыль становится пылью,
Не грусти, наблюдай,
как навстречу посланцу Москвы
Большеохтинский мост
расправляет тяжелые крылья,
Словно "Юнкерс" Люфтваффе,
скользящий над гладью Невы.

Евгения Димер

Родилась в златоглавом Киеве. В 1951 году эмигрировала в Соединенные Штаты и поселилась в штате Нью-Джерси, где проживает и до сих пор.

С 1955 года ее рассказы, эссе, дорожные очерки и стихи постоянно печатались в зарубежных периодических изданиях, таких как «Новое русское слово», «Современник» (Канада), «Новый журнал», «Побережье», «Русская жизнь», «Встречи», «Арзамас» и многие другие.

Димер приняла участие в создании антологии «Русская женщина в эмиграции» (1970 г.), а также серии киевских антологий и альманахов Клуба русских писателей. Её стихи опубликованы в московских антологиях «Вернуться в Россию стихами…» (1995) и «Мы жили тогда на планете другой» (1997). Она печаталась также в журналах «Радуга» (Киев), «Ренессанс» (Киев), «Мосты» (Германия) и в «Литературном обозрении» (Москва).

Моё окно

В моё окно, как бы в мишень,
Летит цветных лучей поток.
В который самолета тень
Нырнула, как средь волн челнок.

Моё окно — киноэкран:
На нем холмы и пышный сад,
Шоссе — машины там с утра
Снуют весь день вперед-назад.

А дальше — город скрыла мгла.
И даже часто мнится мне:
Я так прожить всю жизнь могла б.
Но только ль света, что в окне?..

РУСИ ЛОСКУТОК

Шепчутся с елями ветры осенние,
Мне вспоминаются строки Есенина.
С неба сползает незримая грусть:
Где-то осталась любимая Русь.

Горькими были часы расставания,
Но на чужбину в далекие страны я
Книгу взяла — в ней Руси лоскуток
В звонком разбеге есенинских строк,

С запахом яблок и меда, с дубравами,
В старых преданиях — с новыми нравами.
Если я даже туда не вернусь,
Вместе со мной неразлучная Русь.

Русь, где деревни на реки нанизаны,
В избах иконы, покрытые ризами...
Этот от времени выцветший том —
Точно в былое плывущий паром.

Вспомню Есенина памятью светлою,
Вспомню с затянутой наглухо петлею.
В сердце мое он вселился, как брат.
Ночь... Поминальные свечи горят.

ЧЕРНОБЫЛЬ

Атом стал для народа исчадием ада,
И ему нипочем ни закон, ни кордон.
Оттого, словно в кокон
(как червь шелкопряда),
Заключен он теперь
в толстостенный бетон.

Нам расскажет Эйнштейна
бессмертная сага,
Как его породил злополучный уран.
И сейчас он клокочет внутри саркофага,
Угрожая разрушить бетонный капкан.

Всё, как прежде, вокруг:
терпкий запах полыни,
Золотые восходы цветут по утрам,
Но тлетворные ветры бушуют поныне,
И преследует каждого смерть по пятам.

Что случилось, —
того невозможно исправить...
Хоть созреют черешни в тенистых садах,
Их плоды опадут: в них таится отрава;
И на буйных лугах не пасутся стада.

Там гнездится в лесах
соловей безголосый,
Смертоносная пыль на ковыльных степях.
Над Чернобылем мрачно нависла угроза —
Меч дамоклов, в сердцах
порождающий страх.

ВСЁ НАОБОРОТ

Вызывают удивленье
Сочетанья слов, явленья,
Где весь смысл наоборот,
Скажем: старый Новый год,
Скороходы-черепахи,
Чистоплотные неряхи,
Летом снежная метель,
Без лошадок карусель;
Пятна белые на карте,
Хризантемы в раннем марте,
Безголосый соловей
И дождливый суховей,
Свиньи — тонкие гурманы
И прозрачные туманы,
Без плодов фруктовый сад
И без музыки парад.
Русский стол без кислых щей...
Их полно — таких вещей.
Я и счет им потеряла,
Начинаю все сначала,
Повторяю как в угаре:
Старый, новый. новый. старый...
Ну, какой же это год?
Всё у нас наоборот.
До того я отупела,
Что нечаянно надела
Платье задом наперед.

Елена Быкова

Председатель литературного объединения «Ступени» при Центральной библиотеке г. Чистополя. Работает заведующей городской библиотекой. Стихи Елены печатаются в местной периодике. В 2001 году вышел сборник ее стихов «Птица счастья», в который вошли лучшие поэтические произведения автора. Также ее стихи вошли в сборник «Синевы Чистопольской глоток…», посвященный 225-летию Чистополя. В 2008 году 5 поэтических произведений Елены заняли достойное место в российском литературно-художественном альманахе «Моя талантливая Русь».

Я не умею жить наполовину

Я не умею жить наполовину,
Беру от жизни все сполна.
Своей судьбы пишу картину,
Так в шторме бесится волна.

Я не могу и не умею
Спокойно жить. Я вся – вулкан.
До слез кого-то пожалею,
До боли возмутит обман.

Если любить – как пламя вспыхнуть.
Любить всем сердцем и душой.
Если кого-то ненавидеть,
Навеки потерять покой.

Страдать любя, в бреду и муках,
Чтоб стоны их души рвались,
Чтоб умирать мне от разлуки,
Чтоб встреча поднимала ввысь.

Греть всех душевной теплотою,
Жить и дышать, любить, страдать.
Я не умею жить наполовину.
Не тлеть мне никогда,
Дотла сгорать.

Предостережение

Куда летишь, моя душа?
Ты ввысь зачем торопишься?
Ведь снова больно упадешь
И с ранами воротишься.

Опять ты будешь слезы лить,
Твердить: «Зачем поверила?
Зачем, как в омут с головой,
Не взвесила, доверилась?»

Залижешь раны и опять
К другой любви торопишься,
Но почему же никогда
Счастливой не воротишься?

Вздохнешь – опять не повезло,
Опять ты все придумала,
Опять любила ты взахлеб.
Чем кончится, не думала.

Достоин Чистополь любви

Когда надолго уезжаешь,
То начинаешь вдруг ценить
Свой маленький уютный город,
В котором жил и будешь жить.

Тебя пленят его красоты
И улицы без суеты.
И, наконец, ты понимаешь,
Что ты живешь и счастлив ты.

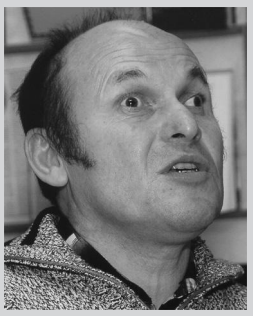
Душа в блаженстве отдыхает.
Восторг по улицам бродить.
Года спешат, его не старят,
Ему всегда лишь юным быть.

До боли все вокруг знакомо –
Дорожки, парки и сады.
Не надо города другого!
Достоин Чистополь любви.

Город Чистополь – один из красивейших городов Татарстана, расположенный на реке Кама — полноводном притоке Волги. Первые упоминания о селе Чистое Поле появляются в летописях в конце XVII - начале XVIII века. В 1781 году указом Екатерины II селу Чистое Поле был присвоен статус уездного города Чистополя. В годы Великой Отечественной войны Чистополь стал приютом для Союза советских писателей, в числе которых были: Борис Пастернак, Арсений Тарковский, Александр Фадеев, Леонид Леонов, Максимов - один из авторов известной песни «Синий платочек», которую исполняла Клавдия Шульженко.

Чистополь прославляют и собственные поэты. Ныне при Чистопольской центральной библиотеке работают два литературных объединения: «Энжелэр» («Жемчужины») и «Ступени». В их составе более 50-ти авторов города и района. Каждый последний четверг месяца поэты собираются в читальном зале библиотеки. За 12 лет члены литературных объединений проделали огромную работу: участвовали в культурной жизни города, проводили вечера и презентации книг, привлекали в свои ряды молодежь и активно помогали ей в творческом развитии, устраивали встречи с одаренными детьми. Центральной библиотекой издаются поэтические сборники участников объединений: «Ступени памяти», «Синевы Чистопольской глоток…, «Тепло сердец вам возвращаю!», «Мне жить назначено в России» и др.

В 2006 году постановлением главы Чистопольского муниципального района была учреждена ежегодная литературная премия имени писательницы Кояш Тимбиковой, которая присуждается лучшим местным авторам.



Рифкат Гардиев

Более 20 лет работает председателем общества слепых. Благодаря спонсорам, в свет вышли два сборника стихов и переводов: «Тепло сердец вам возвращаю!» и «Людям счастье хочу приносить!». Его стихи – размышления о родине, о человеческой судьбе, о любви к ближнему, природе, стихи для детей. В городе Глазове Республики Удмуртия на Российском конкурсе поэтов-инвалидов занял первое место.

В назиданье зрячим

Ни весенние рассветы,
Ни осенний листопад,
Ни журналы, ни газеты,
Ни ночами звездопад.
Ни во что друзья одеты,
Ни бездонность милых глаз –
Нет, не видим все мы это,
Беспросветна наша мгла.
Под ногами – неизвестность,
Глубина разверстых ям.
Не считаем ран телесных,
Посылая их к чертям!
Я стою у перекрестка,
Проклиная всех богов.
Для меня совсем не просто
Сделать эти пять шагов.
Может быть, поможет кто-то
Ту дорогу перейти.
Голоса слышны и топот.
Вам со мной не по пути?
Средь безмолвных светофоров
Мы не раз отыщем путь.
Не дала судьба нам фору.
Помогите кто-нибудь!
Слава богу, не в пустыне
Мы живем. Среди людей!
Только будьте вы отныне
К нам внимательней, добрей!
Не пугает, не смущает
Пусть вас наша слепота,
Если путь нам освещает
Ваша, люди, доброта!

Кто же я?

За столетья природа взболтала
Языков и обычаев смесь.
Породнилось тут судеб немало,
И метисы рождаются здесь.

Я и сам, деревенский татарин,
От природы застенчив и слеп,
Вместе с русской живу, словно барин,
На столе моем сало и хлеб.

Я хочу, чтоб душа нараспашку,
Чтоб без зависти жить и без зла.
Признаю уразу я и пасху,
Только б жизнь стороной не прошла.

А вокруг бесконечность и вечность.
Необъятного мне не объять.
Ведь превыше всего – человечность,
А Всевышнего мне не понять!

Дамира Максимова

Родилась в Чистополе. Педагог. Более 10 лет является членом литературного объединения «Ступени». Самиздатом выпустила две книжки стихов: «Нить памяти» и «Раздумье». В 2004 году Центральной библиотекой издан сборник стихов Д.Максимовой «Нравственные вершины».

Маме

Последний миг... Не стало человека...
Не выразить боль сердца и души.
Частица мирозданья, мудрость века –
Конец всему и – некуда спешить.

Стою перед тобой и не могу поверить,
Что этот восковой овал лица
Был полон жизни. Я могла доверить
Тайник тебе, раскрыться до конца.

Тебя уж нет, душа твоя далече,
Оплаканное тело предо мной,
Но слезы горькие ту рану не залечат,
Которая болит ступенчатой волной.

Михаилу Шамбадалу

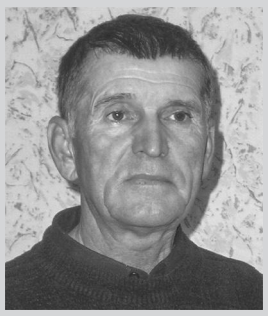
Посвящается поэту, жившему в эвакуации в Чистополе. Романсы на его стихи были впервые исполнены дочерью поэта в уютном зале музея Бориса Пастернака в Чистополе.

В гостиной уютно,
чуть притушены свечи,
Звук романса чарует умы и сердца.
И волшебным становится
пасмурный вечер,
Звуки нежно вплетаются
в строки творца.

Звуки свежие, страстные
льются и льются.
В них признанья в любви,
вера в истину грез.
Так хотелось бы вдруг
этой дамы коснуться,
Ощутить трепет рук,
вкус непрошеных слез.

А создал этот мир
очарованный странник,
Удивительный гений, чародей и поэт.
Подарил тонкий стих
для любимых избранниц,
Словно пылкий любовник,
словно юный корнет.

Громко имя его никогда не звучало.
Переводчик, поэт, он любил мадригал.
Страстной нежностью
к женщине сердце пылало,
Пел стихом ее чары Михаил Шамбадал.



Николай Нарсеев

По специальности – врач-стоматолог. Больший период в своей жизни Николай Васильевич жил и работал в Якутии. В Чистополе живет с 1977 года. Стихи начал писать в зрелом возрасте. Сам автор объясняет это так: «…ведь это так понятно! Да когда же еще зрелый человек может оглянуться на прожитое, всмотреться и вслушаться в окружающий его мир - без спешки и суеты, находя в этом утешение и душевную радость, а нередко и творческое вдохновенье…». Вышли два сборника стихов Николая Нарсеева: «О, Русь моя!», «Мне жить назначено в России». Николай Нарсеев – первый лауреат Чистопольской литературной премии им. Кояш Тимбиковой.

Свеча

Свеча – романтики сестра,
Ты нынче редкой гостью стала
Поэта и его стола,
Но вдохновлять не перестала.

Прозрачный язычок огня
Боится всякого движенья.
Попробуй руку приподнять,
И он зайдется в возбужденье.

Ах, этот нежный огонек!
Не устаю им любоваться,
Когда он резво, как зверек,
Стремится с фитилька сорваться.

Иль рассердившись, вдруг стрельнет
И станет непривычно длинным,
Если нечаянно прильнет
К расплавленному парафину.

Теперь светильник на сто ватт
Дом освещает ровным светом,
И по углам не норовят
Наивно прятаться секреты.

Прозрачно ночью, будто днем
От электричества, и все же
Свеча с мерцающим огнем
Порою лампочки дороже.

Наедине с природой

Еще в заливе под дубравой
Не весь растаял зимний лед,
А в голых зарослях оравой
Защебетал лесной народ.

Вот тяжело взлетела цапля,
Пронзивши криком тишину,
С березы раненой по капле
Жизнь вытекает, как в войну.

Две утки, вынырнув из гущи
Стеблей сухого камыша,
Как электронные игрушки,
Проплыли мимо не спеша.

На берегу пока безлюдно –
Нет вездесущих рыбаков.
Мне стало даже неуютно
Без смеха юных остряков.

Зато вовсю резвится дятел,
С непостижимой частотой
Долбит настойчивый старатель
Лес захламивший сухостой.

Как хорошо! Я растворяюсь
В природе, как кусочек льда,
Ее законам покоряясь,
И исчезаю без следа.

Сирень

Отцвела черемуха с ветрами,
Распустилась чудная сирень.
И в моем окне, как на экране,
Царствует она который день.

Чистый аромат ее дыханья
Вечерами манит и томит,
Душу не рожденными стихами,
О любви прошедшей говорит.

Но судьба сирени не завидна.
На роду ей писано страдать
И, скрывая горькую обиду,
Нового цветенья ожидать.

Как же ее милую ломают,
Не жалея хрупкой красоты,
Оставляя ласковому маю
Исцелять измятые кусты.

Кожей ощущаю эти муки,
Когда слышу хруст ее ветвей,
Будто мне выламывают руки,
И прошу прощенье за людей.

Владимир Папкевич

У вдохновенья есть своя отвага...

У вдохновенья есть своя отвага–
Шагнуть под “если можешь,
не пиши”...
Волшебный дар употребить во благо...
Принять на оголенный нерв души
читательского мнения полярность,
оставшись верным чести при своём,
когда внутри тебя вскипает ярость...
Не промолчать, что мы не признаём
ограничений права на свободу,
попытки оторваться от земли.
Осознавать – чем ближе к небосводу,
тем дальше дух мятежный от семьи.
Неведомое выразить словами,
в привычном обнаружив парадокс.
Не «дамы-господа» мы, а славяне,
две улицы, три дома – городок.
А у кого не ёкнет, скажут «нюни»
и, может, в чём похлеще обвинят.
Так будь готов за песни гамаюньи
ответствовать, не опуская взгляд.

Но не спасёт предвиденье подводных
от спрятанных за пазухой камней.
Молве и молниям нужны громоотводы,
как шут – царю, как сердцу – Шаганэ.

Когда ты всё же чувствуешь,
что избран
“сердца людей простым глаголом жечь”
...или, хотя бы, высекать с них искры...
Твой щит – бумага,
карандаш – твой меч.

Площадь Минина и Пожарского

Жара мытарит мегаполисы.
Асфальт, на ощупь волглый, плавится.
Зачем вам столько снега, полюсы?
Отправьте айсберг Волгой сплавиться.

Порт назначенья – Нижний Новгород.
Микрорайон «Печоры Верхние».
Леса, и самый ближний, вновь горят,
От них-то и печёт, наверное...

Плывёт мираж над черепицею,
А по реке-то катера снуют.
И солнце, рыже щерясь пиццею,
День рыбака декаду празднует.

Давно такого лета жаркого
Не помню... Потрепаться б с Мининым,
Да уточнить бы у Пожарского,
Минувших лет пожарный минимум.

А на одноимённой площади
Фонтаны бьют – столпотворение.
И фыркают от счастья лошади,
В моё попав стихотворение.

Взгляну от памятника Чкалову,
Как переходит Волга в неба синь,
А краем глаза облачка ловлю...
Невозмутимо – горд лишь Неба Сын.

Найти бы где кафе уютное,
Не на Покровке – там всё дорого.
А лучше рифму абсолютную
К июльским выкрутасам города.

Мартынова Елена

* * *

Для двоих во Вселенной луна.
Небеса и земля для двоих.
Тает в зареве звезд тишина.
Спит надежда в ладонях твоих.

Окунается ветер в листву,
Тихо песни свои бормоча.
Ради новой весны я живу.
Ради жизни не тлеет свеча.

* * *

Не было беды, а лишь предательство,
Лишь забвенье в самый страшный миг...
И опять повозка жизни катится,
В ней один лишь путник из троих.

Все дороги снегом запорошены.
Застывают слезы на ветру...
Но жива надежда на хорошее,
От обиды горькой не умру!

А возница правит. Кони с гонором:
То рысцой, а то галопом к цели мчат...
«Все пройдет», скажу себе я шепотом,
Ведь никто ни в чем не виноват!

Николай Культяпов

Непокоренный город

Спросите вы у Ленинграда,
У окровавленной Невы:
Что значат голод и блокада? –
И обожжетесь болью вы.

Он в пекле грозных был сражений –
Форпостом раненой страны,
В боях, не зная поражений,
Встал костью в пасти у войны.

Наш Ленинград непокоренный
«Дорогу жизни» проложил,
Как сокол, к солнцу устремленный,
Свободой гордой дорожил.

Смертелен голос канонады,
Но русский город тверже скал,
За героизм в кольце блокады
Навечно славу он снискал.

Победу не окупишь кровью
И миллионами смертей –
Сплелись в ней радость с вечной болью,
С любовью к Родине своей.

Я славлю каждого солдата
И обелиски без имен.
Им память – лучшая награда
И гордый ряд родных знамен!

Потомки, головы склоните!
И девятьсот блокадных дней
Вы благодарно оцените –
И духом станете сильней!

Часовой Москвы

Иду я в ночь – я часовой,
Прожектор режет небо.
Подковок звон по мостовой...
А мне б – кусочек хлеба.

Глаз зоркий на передовой,
Свой стережет участок,
Тревожно: где-то под Москвой
Снаряды рвутся часто.

Столица стала фронтовой –
Готова к обороне,
И каждый дворик – боевой,
Он чести не уронит!

Томящуюся темноту
Гвоздит мой шаг чеканный,
Но, если надо, на посту
Гранитным стану камнем

На линии кривых фронтов:
От севера до юга,
Стоять на рубеже готов
Я за себя, и друга.

Вызываю огонь на себя

Вступили в бой мы спозаранку –
Не продохнуть в сплошном огне.
Впервые целился по танку –
Всю жизнь он будет сниться мне.
Под Курском бой – вторые сутки!
«Кресты» коптятся на броне,
Минуты нет для самокрутки –
Смерть рыщет в нашей стороне.
В крови фашистские «подранки»,
Остыли штабеля солдат...
В прицеле снова вражьи танки,
Но нет со мной моих ребят.
А связь жива – я слышу зуммер.
В живых один остался я,
А это значит, взвод не умер –
Есть штык и зубы у меня!
Чеканят шаг фашисты лихо.
Охрип отчаянный мой бас,
Но почему же в трубке тихо?
– Второй, второй – огонь на нас!
С секундой каждой – танки ближе.
Неужто, всеми я забыт?!
Но бой веду во имя жизни!..
...Не знал я – штаб давно разбит...

Славный сын России

Что в душах трепетных творится?!
На юбилей собрался свет –
Санкт-Петербургу ныне триста
Геройских величавых лет!

Листая подвигов страницы,
Блистают вехи чередой:
Парад победных дат столицы
Плывет эскадрой над Невой.

Нева – Истории свидетель,
Как город рос и расцветал,
Дарил он людям добродетель,
Вознес Петра на пьедестал.

Стоял как, крепость, днем и ночью,
Хлебнул с лихвою он войны,
Дома и судьбы рвались в клочья,
Не зная сна и тишины.

Ни разу не был покоренным,
Он духом, мужеством велик,
Из боя вышел опаленным
И гордый памятник воздвиг!

Душа его живет в музеях,
В театрах, в храмах, площадях,
Любовь счастливая – в аллеях,
В чудесных парках и садах.

Цвети и здравствуй, вольный город!
Пусть воплотятся все мечты,
Ты – сын России: вечно молод,
Ты – символ русской красоты!

* * *

У войны имен немало:
Горе, Голод, Смерть и Кровь!
Горький плач звучит сначала,
Но любовь спасет мир вновь:
Не страшны с ней боль и грозы,
И цвести всегда земле...
А в душе от счастья слезы
И гвоздики на золе...

Сергей Назаров

Сто мелочей

Когда свирепствует метель,
Я знаю, чем согреться.
Есть где-то в памяти моей
Сто мелочей из детства,
что согревают... Например:
Стихотворенье с песней,
монетка, герб СССР
(Пожалуйста, не смейтесь!)

Есть карусель, осенний парк.
Заброшенная шайба.
Есть полтора десятка парт,
ведро в углу и швабра.
Указка. Школьная доска
натерта парафином.
И даже... если поискать
Том с Гекльберри Финном.

Кормушка перед декабрём,
Скворечники в апреле.
Домой с Наташкою идём,
В руке несу портфели.
Смеёмся. Ах, давай бегом!
По улице к трамваю...
Да... Это мелочи всего,
но как же согревают!

Другу

В нем уживались зверь и человек.
В нем уживались идиот и гений.
Мгновение, что длится целый век,
И век, что пролетает за мгновенье.
Он вытряс мне всю душу и ушел.
Я побежал за ним. Полночный город
Весь исходил, но так и не нашел.
А он мой друг, и он мне очень дорог.

В нем уживались радость и печаль.
Беда и счастье. Синтез и анализ.
В нем ангел с бесом опускали в чай
Кусочки рафинада и смеялись.

В нем подружились Сталин и Махно
Курили трубки и глядели в небо
На звезды яркие в раскрытое окно.
Я понимал, как все это нелепо.

Что это бред. И так не может быть.
Ведь в мире есть и время, и пространство.
А он был трезвым, чтобы все забыть,
И вспоминал, чтоб окунуться в пьянство.

Я друга жду – не запираю дверь –
Я друга жду и жду без объяснений,
Как в нем к ужились человек и зверь.
Как в нем ужились идиот и гений.

Юлия Вихарева

Слепая

Она жила наощупь. Осторожно
Касаясь мира каждой клеткой кожи,
И осязая кончиками пальцев
Всё, что с рожденья видеть не могла.
Придумывала лица и улыбки,
И даже в самых слабых звуках зыбких
Ловила ритм. И в этом ритме танца,
Не понятая многими, жила.
По звукам и по запахам знакомым
Легко могла найти дорогу к дому.
Ей падали под ноги листья клёна,
Печально шелестя осенний блюз.
И иногда, гуляя у калитки,
Она, уже промокшая до нитки,
Почти как дождь, но ниже на полтона,
Всё пела с ним, с души снимая груз.
Хотелось ей постичь (но как и где бы?)
Что значит это – «синее, как небо»?
Что означает – «видеть по-другому»?
Что значит – «некрасивая лицом»?
Пришлось бедняжке много натерпеться,
Но прошептало ей однажды сердце:
«Прозреть, поверь, под силу и слепому,
Но может даже зрячий быть слепцом».

Такие разные женщины

Есть женщины, похожие на утро:
Глаза – из голубого перламутра,
Спорхнувшие с изящных и душистых
Картин иных салонных портретистов.
Любовь таких – как дымка из тумана:
Полна и сладкой неги, и обмана,
Легка, непринуждённа и беспечна,
Но, словно сон под утро, быстротечна.

Есть женщины, похожие на полдень,
Сошедшие с Матиссовских полотен.
Глаза – огонь,
ведь в них на самом донце
Горячее полуденное солнце.
Любовь подобных дам – одни напасти
(Подобно танго – танцу жгучей страсти)
Пьяняще – обжигающе – прекрасна,
Но, как смертельный яд, она опасна.

Есть женщины, похожие на вечер:
Глаза мерцают тихо, будто свечи,
Из-под ресниц задумчиво темнея...
Те рождены полотнами Ромнея.
Любовь их – мудрость,
что присуща даме
(Вино, в сосуде зревшее годами),
Спокойна, не несёт в себе упрёка,
Но к чувствам рассудительно-жестока.

Есть женщины, похожие на ночи,
Глаза черны, рот чувственно-порочен.
Красавицы, что созданы (недаром!)
Французским живописцем Ренуаром.
Любовь их, пусть недолга и случайна,–
Загадка, обольстительная тайна.
Но таинство любовного урока
Несёт в себе, увы, следы порока.

А женщина, что сочетает мудро
В себе горячий полдень, лёгкость утра,
Загадку ночи, вечера блаженство, –
И есть самой природы совершенство,
Одна (средь миллионов, тысяч, сотен!)
Сошедшая с божественных полотен.

КРАСНОЯРСК

Эльдар Ахадов

Член Союза писателей России, Международного литфонда и множества других литературных организаций, делегат 4-го съезда писателей Сибири. Автор более двух десятков книг прозы и поэзии, а также публикаций в журналах: «Молодая гвардия» (Москва), «Юность» (Москва), «Мурзилка» (Москва), «Кукумбер»(Москва), «Сибирские огни» (Новосибирск), «День и Ночь» (Красноярск) и многих других. Журнал «Неизвестная Сибирь» в 2010 году назвал его одним из самых талантливых писателей современной России. Его произведения вошли в школьные пособия по Восточной Сибири. Его «Молитва о тебе» переведена на китайский, английский, испанский и многие другие языки мира. Он – обладатель и лауреат различных национальных литературных премий, всероссийских конкурсов и грантов. В конце 2010 г Центром национальной славы России он объявлен победителем ещё одного престижнейшего всероссийского литературного конкурса – «Святость материнства».

* * *

Горе ли наступит,
Радость ли грянет –
не печалься и не ликуй
чрезмерно.
Всё пройдёт,
и не останется ничего.
И всё повторится.
И ничего не изменится.
И потерянное найдётся.
И найденное исчезнет.
Как реки меж пальцев.
Как солнечный свет сквозь слёзы.
Как огонь на ветру.
Вечно течь. Вечно исчезать.
Вечно любить.
Вечно плакать –
И вечно ждать.

* * *

А человек не умирает:
Он просто дремлет не дыша,
Горит, горит и не сгорает
Его бессмертная душа.

Она летит из бездны света –
Над твердью гор и зыбью вод...
И только эхо плачет где-то,
Пересекая небосвод.

* * *

Не в жилете, не в камзоле,
Не в надежде на кровать, -
Мне однажды в чистом поле
Доведется помирать.

Ни товарища, ни друга,
Ни соседа, ни врача -
Всюду будет только вьюга,
Словно белая свеча...

И не вспомнят, кто им снился
В час, когда истает снег,
Те, о ком недомолился
В чистом поле человек.

ДОЖДИСЬ

Мы оба посмотрели ввысь,
А после вновь друг другу в лица.
И я шепнул тебе: «Дождись!»
Ты тут же начала дождиться.

Дождиться, капать и навзрыд
Внезапно хлынула повсюду...
Пусть кто что хочет – говорит,
Но это, правда, было чудо!

Любви крылатые пути –
Лишь поцелуи между нами...
Как только ты шепнешь: «Цвети!» –
Я стану для тебя цветами.

ВОСПОМИНАНИЕ

Ледяного неба бесприютство -
До краёв в клубящейся зиме.
Словно с опрокинутого блюдца,
Капля солнца тянется к земле...

И опять мне будет море сниться,
Там, где ты, объятая волной:
В каплях солнца на моих ресницах,
В брызгах света за твоей спиной...

Добрый пчёл

Жил – был добрый пчёл. И была у него хорошая пчела. И были у них пчелинки и пчельцы. Мелкие, но много. Пчёл и пчела занимались пчеловодством. С утра до вечера водили они своих пчелинок и пчельцов по разным цветам.

Кормили, поили, нюхать учили, чтобы цветы различать: луговые от горных, горные от лесных, лесные от полевых, полевые от тех, которые люди летом в горшках держат на балконах.

Пчелинки и пчельцы одно время постоянно не тем занимались: то баловались, то от рук отбивались. Как увидят чьи-нибудь руки – сразу отбиваться начинают, потому что у их родных пчёла и пчелы никаких рук никогда не было, только лапки. Зато много. И все ласковые, мохнатые, как положено.

Вот собрались ребятишки вокруг цветущей яблони и баловаться начали. Подлетают к яблоневым цветкам, лепесточки дёргают, треплют, друг дружке «зы-зы-зы» кричат и разбегаются. А потом опять то же самое. Лепесточки портятся, падают в траву под яблонькой. Вот же озорники!

Расплакалась яблонька, дождик от неё пошёл маленький, но настоящий. И пошёл дождик жаловаться на судьбу яблоневых цветков прямо к самому главному на небе и на земле. А к нему далеко и ходить не надо. Он всегда тут рядом. И уже знает обо всём.

Стоят перед ним пчёл с пчелой своей. Стыдятся. Головы опустили.

- Детишек наказывать? Или вас?

Молчат.

Вдруг звон со всех сторон: пчелинки и пчельцы налетели.

- Не трогайте их! Пожалуйста! Это мы! Мы-мы-мы сами виноваты! Нас накажите! Они хорошие! Пожалуйста!

Так просили , что дождик расплакался опять. Потому что теперь уже всех жалко. И тот, который главный на небе и на земле, – тоже расплакался и тут же просиял, как солнышко. И такая огромная лёгкая прозрачная радуга над всем миром от слёз этих и солнышка образовалась, такая цветная и широкая, что всех-всех обняла.

Летают в ней, сверкают золотинками пчелинки и пчельцы. Сияют, переливаются огненными блестками пчёл и пчела, яблонька цветками машет, трава пушистее стала, вся в алмазных росинках…

Не зря пчёл с пчелой столько старались: добрыми ребятишки у них растут. Добрыми. Вон как за своих заступаются. И радуга та – из-за них ведь родилась, на любви их и стоит. Ну, и что с того, что радуга такая большая, а пчелинки и пчельцы – такие вот мелкие? Ничего нет больше и сильнее любви. Даже если ты совсем ещё маленький.

Николай Ерёмин

* * *

Я, подчинён земным законам,
Вперёд инстинктами влеком,
Люблю под вечер чай с лимоном,
А утром – кофе с коньяком...
А ночью и при свете дня
Люблю всех любящих меня!

* * *

В ночи от полнолуния светло,
И на душе – бессонная влюблённость.
Нас вместе провидение свело,
Поскольку мы к любви имели
склонность
И неразлучны вот уж много лет –
Муж, муза – поэтесса и поэт.

* * *

Хорошо, что – такие-сякие –
Мы живём, в сердце тайну храня,
Я – совсем не такой, как другие,
А они – не такие, как я!

* * *

Как пусто в моей стороне!
Зачем – непонятно, куда-то
Друзья улетают во сне,
Один за другим, без возврата,
Увы, наяву, каждый год,
Туда, где никто не живёт...

* * *

О, жизнь моя, продлись! – На миг
На час,
На день,
На год,
На век...

Неважно – шёпот или крик
Исторгну я, замедлив бег
И шаг – а значит, вдох и выдох...

Ты, жизнь, во всех прекрасна видах!
И, устремляясь вдаль и ввысь,
Я вновь молю тебя: – Продлись!

* * *

Чужая душа – потёмки!
И, чтобы развеять их,
Пишет поэт потомкам
Стихи, догорая как псих...

Увы, меж греховных затей –
Чем больше стихов, тем светлей...

* * *

Вечернее одиночество
Становится всё длинней...
Полнолуние и бессонница,
Аритмия сердца, увы...

И я шепчу: - Утро вечера мудреней –
И от подушки не могу оторвать
ночной головы
И передать стихами, что творится в ней...
А притяженье Земли и Космоса –
На разрыв –
Становится всё сильней...

* * *

В порту стояли корабли –
И я уплыть мечтал,
Исчезнуть в сказочной дали...

Уплыл. Исчез. Устал.
Вернулся в постаревший порт,
Стою – и не хочу на борт.

ПАМЯТИ АННЫ ЯБЛОНСКОЙ

Взорваться
Во время теракта,
Исчезнуть – всерьёз, навсегда...

Нет, право, печальнее факта.
Вот горе семье! Вот беда!

Повсюду война,
Как на грех –
Взрывчатки с излишком на всех...

Евгений Чернышов

Родился в Калужской области в городе Обнинск. По профессии юрист, а по своей рабочей деятельности занимается сборкой и ремонтом компьютеров. Сотрудник технического отдела в магазине по продаже компьютерной техники. Публикуется в интернет-изданиях.

Спой мне, Ангел...

...Иногда,
наша жизнь состоит
из дождей и затмений...
И осколками прежних ошибок
усеяна грудь.
...Унеси меня, Ангел!..
в долину ночных сновидений,

Где, забыв о мирской суете,
я смогу отдохнуть.
...Спой мне, Ангел,
свою поднебесную тихую песню...
Расскажи позабытую сказку
с красивым концом...
Обогрей моё тело крылом...

...засыпать будем вместе,
Прижимаясь к подушке,
от соли промокшей, лицом.
...Тускнеет огонь...
Над кроватью подсвечник настенный...
(Молитву вечернюю
в келье читает монах)

...Покинув реальность,
мы будем гулять по вселенной,
Которую держит Всевышний
в могучих руках...
Мой Ангел, я был одинок,
но отныне нас двое...

За верность твою,
что умеешь надёжно хранить
Хвалу воспеваю свою!..
...Ты меня успокоил...
Дал силы проснуться... Подняться...
И заново жить...

На исходе...

Восход, подари
мне последний оставшийся день...
Осыпь его, небо ве/лик/ое,
градом зернистым.
Облей водопадами шумными
вечных дождей...
Ворвись, обжигающим ветром
в предсмертные мысли...

Супруга - печаль нагоняет
привычную дрожь...
Палитра оттенков прозрачных
на веках повисла.
Так поздно бывает, когда,
что-то осознаёшь...
Нет, это не слёзы – всего лишь –
прощальные брызги.

Смотревший во тьму,
(у)достоен был «участи» жить –
Ходить по священной земле –
по разбитым просторам...
Обычная капелька веры
смогла бы простить?..

Кто знает...
Осталось дождаться суда – приговора...
Полярная ночь...
...Белоснежный сиял Альтаир –
летела Душа...

/неподвижное тело - молчало/
Как жаль... покидать этот маленький,
«солнечный» мир...
Как хочется стать!
Бесконечным...
Блаженным...
Началом...

Николай Полехин

Воспитанник литературного клуба «Братские роднички» при дворце детского и юношеского творчества» пос. Энергетик г. Братска. Дата рождения – 16 января 1991 года. Рассказы публиковались: в международном альманахе «Литературная губерния» (г. Самара, ноябрь 2010 г.), в сетевом литературно-историческом журнале «Великороссъ» (2010 г.), в газетах «Братский университет», «Знамя», «Твоя газета»; в журналах: «Истоки» (Красноярский край, 2009, 2010 гг.), «Северо-муйские огни» (Бурятия, г. Северомуйск, 2010 г.), «Детское творчество» (г. Москва, 2010 г.); в книгах «На солнечных полянах лукоморья» (г. Псков, 2005 г.); «Вдали от богемы» (Иркутск, 2006 г.), в коллективном сборнике, опубликованном по итогам III всероссийского фестиваля «Я вхожу в мир искусств», г. Москва, 2007г.) А также звучали по иркутскому областному радио в программе «Волшебное лукошко».

С декабря 2010 года Член Союза Журналистов России

ПРОХОЖИЕ

Виктор Иванович Прохоров был рядовым строителем. В середине пятидесятых работал на одной из комсомольских строек в Сибири, где его очень уважали за искренность, за чуткое участие к людям, когда беда приходила в их дом...

Проработав там много лет, вышел на пенсию. Провожали, как говорится, «всем миром».

Просидев несколько месяцев дома, без привычной работы, он заскучал по своей бригаде. Да и здоровье всё чаще стало пошаливать – сказывались годы тяжёлых работ. Лишь изредка выдавался тот день, когда ничего не болело – это для него было маленькое счастье...

Поднявшись однажды утром с постели и радуясь наступившему дню, Виктор Иванович вспомнил строчки из стихотворения, которое сам когда-то написал:

«Счастья мне в жизни, Господь, подари
И не отнимай ты его у меня.
Пусть оно вместе с рожденьем зари
Станет мелодией вешнего дня…»

И мысленно, как молитву, прочитав их, он сказал сам себе:

– Вот и новый день настал! Дай, Бог, в согласии с душой, прожить его.

Собрав последние силы, мужчина в очередной раз отправился в поликлинику на приём к терапевту. По дороге Виктор Иванович внезапно почувствовал резкую боль в груди. Всё произошло так быстро, что он даже не успел дойти до ближайшей лавочки. В глазах потемнело, голова закружилась, ноги, словно окаменев, стали подкашиваться. Потеряв равновесие, мужчина упал на землю и стал звать на помощь, умоляя: «Товарищи, прошу вас, помогите, пожалуйста!» Но люди, отчуждённо и торопливо, проходили мимо. Они будто не слышали его, а тем временем ему становилось всё хуже и хуже. Подняться самостоятельно мужчина не смог. Перед глазами молниеносно проносились дорогие ему эпизоды из жизни. Виктор Иванович знал, что это происходит перед самой смертью. И, уже, ни на что не надеясь, смирился с этим. Он вновь увидел свою деревню, где родился и рос, родителей, школу, любимую жену... всё это добавляло ещё больше нестерпимой боли.

Вдруг, словно молнией, его ослепил пленительно-белый свет. В голову закралась мысль: «А может, это ангел спешит мне на помощь?» С трудом открыв глаза и немного приподняв голову, мужчина увидел женщину в светлом осеннем пальто. Рядом с ней шёл мальчик, лет шести, которого она держала за руку. Они приближались очень быстро, видно куда-то торопились. Остановившись в нескольких шагах от Виктора Ивановича, мальчик, потеребив женщину за рукав, сказал:

– Мама, давай поможем дедушке. Ему, наверно, плохо?

– Тебе это надо? – ответила она. – Будешь ещё всяким алкашам помогать. Пошли отсюда.

– Ну, нас в садике этому учат.

– Мало ли чему вас в садике учат! Я сказала, пошли отсюда, значит, пошли. Нечего тут делать!

После этого они стали отдаляться. Но мальчик ещё долго оглядывался. На глазах у него были слёзы, он плакал. Виктору Ивановичу стало больно на это смотреть – сердце обливалось кровью, и он просто, потеряв последнюю надежду, закрыл глаза. Он больше ничего не просил, даже не плакал. Вот так и умер человек, среди людей. Тихо, ни на что уже не надеясь.

Совершив, на глазах у ребёнка этот безнравственный поступок, мать своим поведением внесла в его трепетное непорочное сердечко боль и внезапно закравшееся смятение от вспыхнувшего в нём благородного порыва.

Да кто же мы такие? Хозяева новой жизни, перечеркнувшие основополагающие законы, бытия, или бездушные существа, живущие в своём собственном безумном мире, где нет места людским чувствам? Ответить сложно.

Дорога

Знаете, почему все так радуются хорошему?
Потому что это хорошее у нас внутри.

Случилось так, что нас выбрала Дорога. И мы идем. То уверенно шагая веселой походкой, радуясь всему хорошему, что видим вокруг, то в бессилии, под бременем испытаний, опускаемся на землю и примеряем свои силы на оставшийся кусок пути, который лентой вьется впереди от наших ног туда, за горизонт, где у могильного камня она тихо оборвется.

Широкая или узкая, мостовая или проселочная, чистая или запыленная – мы все равно должны идти, потому что Она нас выбрала. Иногда нас влекут события, которые происходят по сторонам. Это не наши события, но мы останавливаемся поглазеть, а бывает, и сворачиваем с дороги и блуждаем чужими тропками, ведомые болотными огоньками призрачного счастья. В такие часы душа томится, ее раны открыты и кровоточат. Она стремится назад на свою дорогу, а мы мучаем ее легкомысленным любопытством и страстными порывами.

Иногда – какое счастье! – мы встречаем того Самого Дорогого Друга. С ним нелегко. Он говорит нам неприятные вещи о наших ошибках и глупостях. Он не пускает нас тогда, когда хочется свернуть. Он доставляет немало хлопот своими придирками, а еще и своими ошибками и глупостями, и его тоже приходится удерживать, чтобы ночные призраки не увели его с собой.

Иногда – редко – мы наслаждаемся одиночеством пути. Тогда есть время все обдумать: что было, что будет, и чем успокоить горячее сердце.

Когда на дороге тесно, нужно быть осторожным. Вот несется в шикарном деловом костюме дама, высоко задрав нос, на который водружены очки в дорогой оправе. Она наметила себе цель на горизонте, и, не разбирая дороги, то по чужим грядкам, то через лес, распугивая всех, кто оказался на пути, она спешит к заветной цели, ни на минуту не сомневаясь в том, что бывает и по-другому. Лучше посторониться, иначе в спешке, не заметив, она больно толкнет вас. Такое уже бывало, и от таких встреч остаются синяки и ссадины, и грустно на сердце.

Редко выпадают счастливые тихие дни. Тогда на горизонте поднимается большое счастливое солнце, и птичий гомон так радует сердце! Душа отдыхает, умывшись светлыми мыслями. В такие дни все идет как по маслу. Твой Друг с тобой не спорит – он тоже радуется красивому дню, и так радостно поделиться впечатлениями! Даже возникает желание вытащить из чемодана праздничный костюм и начистить до блеска запылившиеся ботинки.

Вот в такой день обязательно попадется идущий навстречу Путник. Его мягкий взгляд и добрая улыбка согреют сердце и придадут уверенности в том, что и ты можешь порадовать другого, одиноко идущего своим путем. Ведь иначе он бы не улыбался.

Вот так и происходит все и случается, когда нас выбирает Дорога.

Счастье

Счастлив ли я? А какая собственно разница? Да и что такое счастье?

Для кого-то семья. Но если человек одинок, то можно ли его сразу записать в несчастные? Он пишет стихи и живет припеваючи.

Когда бывает плохо, думаешь, отчего я так несчастлив? Вон такой-то – счастливый человек. Но ведь тебе неизвестно, что ему приходится нести в его жизни, и какой скелет прячется в его шкафу. Наши уродства всегда живут рядом с нами, и без этого не обходится ни одна человеческая жизнь.

Наверно счастье – это особое ощущение, которое ненадолго появляется в сердце, согревая его теплом или зажигая радостью. Со временем радость улетучивается, оставляя в душе состояние крепости и уверенности. Но и это как-то ненадежно. А может, счастье – это покой и мир души, когда видишь смысл в повседневных заботах, в принятии своей судьбы? Ведь когда принимаешь, о чем печалиться? Видишь в каждом родного брата, и как теперь завидовать?

Думаю, можно назвать счастьем состояние, когда бродишь по лесу, а под ногами громко шуршат осенние листья. Или смотришь на ровную гладь озера. Когда наблюдаешь, как по шершавой коре деревьев ползают муравьи. Или видишь, как на лугу зацветают полевые лилии. Ведь и Соломон в своей славе не одевался, как каждая из них. Природа верно хранит данную ей гармонию, и, пропитываясь ею, ты чувствуешь, как покой проникает в каждый закуток твоего существа и уходят тревоги дней твоей беспокойной жизни.

Еще счастье – сделать другому человеку что-то хорошее. Только лучше так, чтобы он этого никогда не узнал, и твоя правая рука не знала, что делает левая. Иначе тщеславие опалит сердце, и радость быстро улетучится, оставив после себя пустоту.

Но самое большое счастье – когда твоя любовь обнимает весь мир. А любовь всего мира обнимает тебя. Тогда кажется, что тебя нет, теряются время и пространство. Тогда наступает блаженная тишина, в которой тикают часы вечности. Но назовешь ли ты это счастьем?

Татьяна ПОТАПЕНКО

Виталий Сон
(Сон Сун-дё)

Родился 15.03.70 г. на о. Сахалин в г. Макарове. Учеба, армия, работа и учеба: сам технарь, в свое время работал и телемастером, и таксистом, и гл. энергетиком, и гл. инженером, и шахтером, и художником-оформителем. Исползал весь Дальний Восток и Приморье. Сейчас проживаю в г.Ростове-на-Дону, занимаюсь промышленным и торговым холодом (оснащение центральным холодоснабжением гипер и супермаркетов, предприятий пищевой промышленности). Свои стихи публикую на сайте stihi.ru под псевдонимом «Частный случай».

Дорожное

Рассыпана даль
белоснежным простором:
Шуршит под карданом сухая позёмка,
Сливаясь с мотором причудливым хором,
Ветра побережья тоскуют негромко…

По низко висящей, невидимой тропке
Бегут кучевых облаков караваны,
А день уходящий, цепляясь за сопки,
Сливает в ложбины густые туманы.

Но небо сегодня с землёю в раздоре…
И ветры поют увертюру метели.
Лишь мерно вздыхает Охотское море,
Баюкая остров в своей колыбели.

Глотаю дорогу и дым сигаретный.
Зачем вновь на север спешу?
Непонятно…
Но знаю: на всё нахожу я ответы,
Как только домой
возвращаюсь обратно.

Опрокинувшись в траву…

Опрокинувшись в траву,
я плыву по небу…
в ту далекую страну,
где я с детства не был.

Жук ползёт над головой
к солнцу по тропинке,
что склонилась надо мной
тоненькой былинкой.

Набегающей волны
слышен тихий рокот,
словно с дальней стороны
слышу мамин шёпот:

«Баю, баюшки-баю,
спи, моя кровиночка,
колыбельную спою
для тебя, мой сыночка.

Баю, баюшки-баю…»
Я не плачу, мама…
Пусть порой и устаю,
знаешь… я упрямый.

Просто в жизни без тебя
сердце остывает,
просто рук твоих тепла
очень не хватает,

Просто счастие мое
заблудилось где-то,
просто море мне поёт
середину лета…

Опрокинувшись в траву,
я плыву по небу…
в ту далекую страну,
где я с детства не был.

Облака над головой,
сердце, словно ниткой,
в детство тянут за собой,
зацепив травинкой…

В Ростове снег… Крещенские морозы…

В Ростове снег… Крещенские морозы…
Зима пришла и в этот теплый край.
Южан пугают метеопрогнозы,
А я… Да что там…
Слышишь? Передай,
С попутным ветром – Острова кусочек:
Висящие над сопкой облака
Солёных брызг…
Черкни хоть пару строчек,
И я пойму: Простили дурака…

За мой побег невзрачным, серым утром
Тогда у самолетного крыла –
Я был уверен: поступаю мудро
(быть рядом с той, что столько лет ждала)

Не мучаюсь бесплодным сожаленьем:
Здесь хорошо, к чему кривить душой.
И все ж порой меня грызет сомненье,
Что я не там… Хотя, конечно, с той.

Ты уложи в размер стихотворенья:
Туман и солнце, чаек и буран.
Пиши мне обо всем без промедленья,
Хотя б о том, как дышит океан.

Пусть счастье – неразменная монета.
И отчеканен маленький тираж…
Мне хватит просто теплоты и света
В твоих стихах. Все остальное – блажь.

Где-то рядом…

Дворик, ларёк, мальчонка
(нахохлился, как воробей),
вязаная шапчонка
сдвинута до бровей.

Цепкий прищур волчонка:
«Дяденька, дай на хлеб».
А на запястье тонком
татуировка: Глеб.

Мы с ним давно знакомы:
вот уже год, иль два
слышу я возле дома
жалобные слова:

«Мамка опять в запое,
Дяденька, дай на хлеб…»
Совесть моя в покое:
вот тебе мелочь, Глеб.

Совесть моя в покое,
что я ещё могу?
Время просто такое,
не пожелать врагу…

Время словно застыло
в непроходном дворе…
Как же давно всё было,
а если и было, где?

Полночь, шаги негромко.
Дворик, входная дверь.
Обмершая девчонка
от страха, и рядом «зверь»…

Рвет из её ручонок -
сумку: «Молчи… убью…»
Что ты творишь, подонок!
Скрылся… не догоню.

Слабость где-то в печёнке.
Что там – поди, узнай…
Рядом скулит девчонка:
«Дяденька, не умирай»

Капельница… не спится.
Больно: я вспомнил «хлеб»
для малолетней «птицы»
с татуировкой: Глеб.

Вязаная шапчонка,
нож и кривой оскал…
Из маленького волчонка
вырос большой шакал…

Совесть сопит в покое,
а рядом плодит зверей…
Время сейчас такое.
Время – ничьих детей…

Светом чужих созвездий

Шёпот чужих созвездий –
имя твоё теперь…
Запах в сыром подъезде
въелся в стальную дверь.

Время будто уснуло.
Щёлкнул дверной замок.
Щурясь оконным дулом,
осень взвела курок.

Вечер размоет грани,
шорох дождей кляня.
Истины ложь в стакане
вновь позовет меня

Мысли привычной скукой
сцедят тоску до дна…
Память бесстыжей сукой
слижет обрывки сна…

Бритвой рассвет по горлу
располосует ночь.
Жизнь бы совсем прогоркла,
если б не крошка дочь…

Тамара Зайцева

Австралия

Свечи

Свечи мерцают во тьме светлячками,
Блики по стенам танцуют неслышно.
Плавится воск и стекает слезами,
Ночь за окном – темно-синяя птица.

Крылья расправив, укрыла округу...
Замерло все, затаилось в молчаньи...
В небе луна замерла полукругом,
Звезды глядят на неё в ожиданье.

Свечи горят... тишину освещают.
Спит всё вокруг и не слышно ни звука...
Сзади шаги... осторожно ступаю...
Руки на плечи... нежный шепот на ухо...

Времена года...

Прекрасна, Весна, ты без слов!
Но Золото-Осень дороже.
Как нежная зелень лесов
С багряным покровом не схожи...

Пройдёт, пролетит, пропадёт
Вся нежность весенних цветений.
А осени мерный полет –
Преддверие зимних пастелей.

Как Лето, сменяя Весну,
Уносит тревожность капели,
Так белый ковер на листву
С любовью уложат метели...

Ксения Белова

г.Абакан, Хакасия

Сны

Этот хан ночь от ночи сводит меня с ума.
Его имя приходит,
как желтый густой туман,
И несется вперед озлобленная молва,
Как тулпар, подгоняемый стаей злых
И худых, будто мертвых уже, борзых...
Я сама не помню, когда я была жива.

Слава его опережает его приход,
Гроб Чингисхана скрыли объятья вод,
Прах Тамерлана надежно
хранит нефрит.
А мой хан приходит, когда я его не жду,
И сначала я слышу хохочущую орду,
А потом его голос шепчет,
что не забыт...

Мне в глаза, как будто
набился степной песок,
Сквозь туман я вижу,
как сжимается возле ног
И скулит, словно он не хан,
а щенок шакала...
В полутьме я чую его кочевую суть.
Он тревожит меня всю ночь,
не дает уснуть,
Умоляет меня до утра,
чтобы я вспоминала...

* * *

Пей, великий, пей,
мой незваный гость...
Тот, кто видел много смертей,
сам становится, будто кость...
Твои желтые пальцы крепко
держат пиалу с чаем...
На четвертую ночь я заметила,
что скучаю,
И каждое утро жду, когда будет вечер,
Когда темнота черной шкурой
свалится мне на плечи,
Когда сон заберет свою дань,
мне закрыв глаза,
Когда из обрывков мыслей
явишься ты, мурза,
Заглянешь в самую глубь,
вынешь прежнюю суть меня...
На твоем златогривом коне
бубенцы звенят,
Дробь копыт выбивает
из памяти тяжесть лет...
Снилось вчера – ты напал
на мой старый след,
До утра в голове звучал вой
твоих собак,
Снилось – ты намотал
мои волосы на кулак...
Я почти добровольно пошла
за тобой в улус –
Кто бы ты ни был, я тебя не боюсь.

* * *

– Будь осторожнее, мой лучезарный хан,
Эта женщина улыбается, как шайтан,
В ее русой косе сквозит
колдовская медь...
Скорми ее свиньям,
пока не пришлось жалеть,
Что привел ее в свой шатер
и назвал «хатын»,
Будь осторожнее
с этой женщиной, господин...

– Хабиб, в своих словах
ты не знаешь меры.
Пусть осторожнее будут мои нукеры.
С женщиной я без советчиков разберусь.
Губы ее, как солодка, горьки на вкус...
Всё, что мне нужно знать,
я увидел в ее глазах...
Можешь идти. Твой хан уже всё сказал.

Хилина Кайзер

Родилась в Питере. В раннем возрасте с родителями переехала в Данию (Копенгаген), где живет и работает по сей день.

По образованию экономист и индустриальный дизайнер. Печаталась в литературном альманахе «Под небом единым», в художественно-публицистическом проекте «Другие берега», в сборнике «literra inkognita», в книге «Сила символа», в литературно-общественном журнале «Новый Берег», в литературном журнале «Окна»...

1.

К полудню сомкнулись
в согласии стрелки.
А время летит, не успеешь и ахнуть.
И в комнате воздух отнюдь
не апрельский.
Кукушка в часах скоро
выкрикнет «ахтунг!»

Глаза у девчушки, как чёрные сливы.
С полгода назад в них растаяло детство.
Оно распрощалось
с ребёнком счастливым
в разрушенном доме,
что был по соседству.

Как часто теперь наступает двенадцать...
В подвале не слышно весенней капели.
И девочка быстро привыкла бояться,
при этом привыкнуть любить не успела.

У мамы ладони - прозрачные льдинки.
А девочка тщетно пытается верить,
что снова родится,
но только блондинкой,
с другими детьми чтобы
в солнечном сквере
вдыхать свежий воздух...
Но волосы сажей
спадают на плечи, как крылья вороньи.
Да окна подвальные взяты под стражу
решётками ржавыми. Где-то хоронят
родных. И кукушка зловеще напомнит -
закончилось время. Пора одеваться.
Согласие стрелок. Ещё один полдень.
Ещё одна память. И снова двенадцать...

...Как мама похожа теперь
на старушку,
а раньше красивой её называли.
Ну как же прогнать эту злую кукушку,
чтоб больше не прятаться
в тёмном подвале.

2.

А память теснится и жмётся
в дверях коммуналки,
где губы роднились стаканом воды
с газировкой.
Зимой замерзали,
от ругани делалось жарко,
на лестнице сыро, на сердце
постыло, в газетах неловко.

Царапали в кровь «скороходы»
мозоли на пятках.
Четвёртых жильцов не селили
у нас на Литейном,
зато подселили шестых
к той соседке на пятом,
куда вся родня словно чайки
над морем, слетелась.

Мечтой набухало над жвачкой
натёртое нёбо.
Семейные тайны, текущие трубы,
скрипящие двери.
Влюблённость шипом прорастала,
трясла до озноба
Косыми дождями текла
из небесных артерий.

Вращается время и кружит
над липкой Невою,
над узкой кушеткой,
где я в полумраке зачата.
Помечена русской печалью
и пятой графою
и обувью, что покупалась
на четверть зарплаты.

3.

Здесь эхо подворотен громче сплетен.
Бельё, быльём, моё, твоё, не грех.
Крысиный визг, гниющие подклети,
горшок и судьбы общие на всех.

Карманы, окна, души нараспашку,
ведь нечего и некого терять.
И курят дымоходы крыш взатяжку
скупого неба солнечную прядь.

Здесь прошлое всегда гостит транзитом,
и жизни коммунальный лейтмотив
потухшим глазом старого «Зенита»
подмигивает в тупике пути.

И водка из гранёного стакана
доступней, чем вода из родника.
...А память здесь настолько же гуманна
как эта среднерусская тоска.

4.

Кружит вороньё,
и спешит воронок – птица ночи.
Под взглядом плывёт
обветшалая дверь коммуналки.
Хотя, как сказала однажды
соседская дочка,
увидев Париж, умирать станет
даже не жалко.
Изводится стоном на кухне
потрёпанный чайник.
И люди в погонах, и всё по закону,
и мысли колонной.
Душа изнывает и бьётся
подстреленной чайкой.
Да что миллион, когда
нам нипочём миллионы...
А в тридцать седьмом зажигались
кремлёвские звёзды.
Зима побелила все форточки
с первой зарплаты,
и снова душа обживала
небесные гнёзда,
бельё прохудилось,
лицо постарело, и небо в заплатах.

...Когда-то в Пицунде, в Крыму
или в солнечном Сочи,
где в медном тазу остывало
варенье из вишен,
гадалка сказала,
что всё наперёд напророчит.
Но голос её становился всё тише и тише.

Фёдор Назаров

Родился в Москве в 1983 году. Получил техническое образование. Работает финансистом. Публикуется в интернет-зданиях.

Письма из междуречья

Да, поредела моя семья, что поделаешь
А кому-то – подумать только – мало одной
Эудженио Монтале.

Ну, здравствуй, брат.
Прошло пятнадцать лет
С тех пор, как я ушёл. Моей пропаже
Поди, дивились голуби и даже,
Повымерли, должно быть. Стольких бед
Им враз не пережить. Ты скажешь «Нет!»
(Пятнадцать лет спустя чего ни скажешь)

* * *

Да что уж там.
Теперь до голубей
Мне, если откровенно, мало дела.
Моя семья так сильно постарела,
Что кажется – в один из майских дней,
Я стану младше собственных детей
(помимо нерожденных).
До предела
Урезав текст, отточенным грошом,
Черчу тебе, на ломаном дельфийском,
С оказией письмо на обелиске.
Ты хочешь знать «куда же я ушел»?
Ну, слушай, брат.
Со мной все хорошо.
Пишу тебе из мрачной дельты Стикса.

* * *

Закаты от рассветов здесь почти
Неотличимы – в солнце мало проку
Когда заместо неба, где-то сбоку,
Расщелина в земле. Ты не сочти
Мои слова за жалобу. Отнюдь.
Здесь хорошо. Конечно, мало света,
Но по весне, в разливах Черной Леты
Об этом редко вспомнит кто-нибудь.

* * *

Ты не подумай. Разум мой не стих,
И даже память, вроде, не слабеет –
Ведь кто-то ж помнит пение Орфея
И поступь Эвридики, пусть таких
Осталось мало.
Я же берегу
Осколки дней под крепкою бронею:
По-видимому встретиться с роднёю
Не суждено – на дальнем берегу
Приезжие толпой изводят тушь
Записываясь в очередь.
Но Стикса
Не перейти – Харон пять лет как спился.
И с той поры не видно новых душ

* * *

Вобще разруха, что ни говори.
Аид сбежал.
Сизиф забросил камень.
И кажется, что Лета скоро канет
сама в себя.
Но знаешь, Изнутри
Все это (уж прости мне мой снобизм)
Я однозначно видел (как-то, где-то).
Ты можешь не поверить мне, но это.
Похоже подозрительно на жизнь
Пишу тебе из мрачной дельты Стикса.
«Ну, здравствуй, брат.
Прошло пятнадцать лет»

Детская страница

Светлана Сон

Ивановская поэтесса. Детским творчеством занимается на протяжении 10 лет.

За это время вышли в свет пять сборников стихов для детей дошкольного и младшего школьного возраста: «Волшебная страна»(2003 г.), «Давай дружить»(2004 г.), «Загляни в сказку»(2005 г.), «Осторожно, Ёжик!»(2006 г.), «Чудеса на самом деле» (2008 г.) и энциклопедия в стихах «Пчёлка Жужжу и её друзья» (2009 г.). За этот же период времени в Московском детском музыкальном издательстве «ТВИК» вышли CD-диски: радиоспектакль «Алиса в стране чудес» в виде музыкальной инсценировки, диск с колыбельными песнями под названием «Колыбельная кузнечика», авторский диск «Озорной калейдоскоп» (сборник стихов и сказок) и сборник детских песен «Новогодние приключения». Публикуется в журналах «Солнечный зайчик», «Читайка», «Кважды ква» (Беларусь), газетах «Школьник», «Динабург» (г. Даугавпилс).

Графиня Тишина

Очарования полна,
Жила графиня Тишина.
Она любила тихий час
И сочиняла сны для вас.
Любила бархатную ночь,
Дружить с Луной была не прочь.
Любила летом и зимой
Уединенье и покой.
Воздушной лёгкости полна,
Парила по небу она
И нежной ласковой рукой
Манила звёзды за собой.
Графиня, светлая душа,
Над колыбелью чуть дыша,
Раскинув мягко два крыла,
Покой и сон ваш берегла.
Пр-ев: Не спугните Тишину, не спугните,
Ей безмолвия глоток подарите,
И оставьте ненадолго одну –
Тишину!

Невероятно-слоновый случай

Глаза, словно фары!
И хобот – торчком!
Вам этот слонёнок, друзья, не знаком?
Он мчится по Африке, пылью клубя,
Чтоб только спасти от напасти себя!
Слонёнка преследуют сто обезьян,
Как будто по джунглям летит ураган!
Им надо слонёнка зачем-то догнать
И важное что-то сейчас же отнять!
Слонёнок гундосит: - Ох, долго бегу,
И носом дышать я - совсем не могу!
У вредных мартышек запасливый нос
Стянул со стола аппетитный кокос!
А вдруг я от пыли дорожной - чихну
На всю Африканскую чудо-страну?
Из носа - (Ура!) - необычный снаряд
Сразит наповал обезьяний отряд!!!
Ложись, обезьяны! Я – меткий стрелок!
Кокосы не зря со стола уволок!
Эх, жаль мне добычи, лежащей в носу,
Я думал – до дома её донесу...
Фруктовый над Африкой слышится звон –
Сердито стреляет кокосами слон!
Пиф-паф!
Тра-та-та!
И – гремучий «Ба-бах!»
И прячется враг от бомбёжки в кустах!

Шаукат Галиев

Родился в 1928 году в Апастовском районе Татарстана. Творческую деятельность начал в 1945 году. Пишет на татарском языке. Наибольшую популярность автору принесли стихи для детей. Именно за них Шаукат Галиев в 1972 году удостоен звания Лауреата Государственной премии Татарстана им. Г Тукая, а в 1982 году за книгу «Заяц на зарядке» (в переводе на русский язык) - международной премии - Почетного диплома Г.Х.Андерсена. В 1984 году Ш. Галиеву вручен Знак А.П.Гайдара. В 1995 году стал народным поэтом Республики Татарстан, в 1996 году - лауреатом премии им А.Алиша Союза писателей Татарстана. Книги Ш.Галиева и в переводе на русский язык: «С папой в кабине», «Огурцы в тюбетейках», «Заяц на зарядке», «Волшебное зеркало», «С ветром наперегонки», «Кто играет на курае?» издавались в Москве и Казани. Герой многих стихов Галиева – озорной и веселый мальчишка Шавали - в Татарстане так же любим, как Чиполлино в Италии и Карлсон в Швеции.

Конфеты есть не буду...

Ой, зубы, зубы, зубы!
Беда, беда, беда!
Пирожных есть не буду
Я больше никогда!

И ни одной конфеты
Я ни за что не съем...
Конфетные заводы
Закройте насовсем.

Ой, зубы, зубы, зубы!
Не ем я шоколад...
От каши и от супа
Теперь уж не болят...

Постойте-ка, постойте!
Боль стала затихать...
Конфетные заводы
На надо закрывать!

(перевод В.Баширова)

Горючее

Отчего бежит машина?
Ну, конечно, от бензина!

Отчего машина стала?
В ней бензина не осталось.

Чтобы в путь ее отправить,
Надо в бак бензин добавить.

Ну а мне другого надо -
Молока
И лимонада.
Я от них, как от бензина,
Мчусь со скоростью машины!

А варенье одолею –
И быстрее
Я сумею!
А когда напьюсь компота –
Не угнаться самолету!
Самое могучее
У меня горючее!

(перевод В.Сулимова)

У деда на пасеке

Прошу у деда
Мёда.
Тарелку
Он даёт.
Я съел её
В два счета.
Люблю я
Дедов мед!

...Прошу еще
Немножко...
Потом еще
немножко...
Потом еще
немножко...
потом еще прошу...
Ещё тарелку
Съел бы...
Совсем
Не надоело...
Облизываю
Ложку...
Уже едва дышу...
Был сладок мёд,
Стал горек. –
Он горло
мне дерет.
И говорю я деду:
-Так дело не пойдет!
Стал мёд
Гораздо хуже!
Похоже,
Он –не тот!
Мне этот мёд
не нужен!
Давай хороший
мёд!

(перевод В.Баширова)

Клад

Безусловно, каждый рад
Отыскать старинный клад,
Только кажется нам с вами,
Будто клады
За лесами,
И зарыты
Глубоко,
И найти их нелегко.
Клад огромный, между тем,
С нами рядышком совсем:
Он не заперт,
Не зарыт,
Тайны древние хранит
Год от года.
Век от века...

Этот клад –
Библиотека.

(перевод В.Левина)

Про кота

Пропадать в амбаре стало
Сало, мясо и сметана...
Дверь все время запирают,
А продукты пропадают.
Как же воры забрались?
Видно, мыши завелись!
Есть в двери дыра – как раз
Для кота - отличный лаз,
Чтобы кот мышей гонял,
Чтобы склад он охранял.

Охранять-то охраняет,
А продукты убывают!
Есть в двери отличный лаз –
Для кота, ну в самый раз!
В этот лаз
Не пролезает
Почему-то он сейчас....

(перевод Э Блиновой)

Татьяна Шапиро

* * *

Подстригаться привели
Девочку в три годика.
Оказалось,так зарос
Маленький Володенька!!!

* * *

У врача зубного
Хищная акула.
Говорит ей доктор;
-Покажите скулы!
И дрожит и доктор,
И акула тоже.
Он её боится,
А она чего же?

* * *

Плюшевый мишка
Спит вместе с Мишей.
Милые взрослые!
Будьте потише!
Сон берегите.
Сон у них чуток.
Не разбудите
Наших мишуток.

* * *

Слон работал грузчиком.
Уронил рояль.
Оба так расстроились,
Что обоих жаль!!!

* * *

Наступил муравей
Вдруг слону на ножку...
Извинившись тыщу раз,
Вызвал неотложку!!!

Светлана Войтюк

Родилась 22 ноября 1964 г. в г. Уфа. В 1987 году закончила филологический факультет Башкирского государственного университета. Член Союза писателей Башкортостана и России с 2006г. Призёр (2009г.) и дипломант (2007г.) конкурса детских и юношеских писателей им. А. Толстого . Серебряный лауреат конкурса «Золотое перо Руси» 2008г. Участник всероссийского фестиваля «Библиобраз -2009» и 1 Международного Форума искусств «Золотой Витязь-2010»(Москва).

ЛЕКАРСТВО ДЛЯ БАБУШКИ

Доктор выписал бабуле
Витамины и пилюли,
Уложил ее в кровать
И не разрешил вставать.
Поднялось давление
От переутомления!
Будем бабушку беречь:
Хватит ей варить и печь!
Приготовили обед,
Пол блестит и пыли нет:
Справились мы сами
С важными делами!
Села бабушка в постели
И сказала:
«НЕУЖЕЛИ?.»
И от удивления
Снизилось давление!

Вера Тансканен

Чудеса на озере

Солнца луч прилёг на травы,
Окунулся в сладкий сон.
Всюду бабочки порхают,
В дрёме зноя пруд лесной.

На мостках, как кот усатый,
Наблюдаю, чуть дыша.
Вижу, окунь полосатый
Притаился в камышах.

Дно песчаное в запруде.
Серебристые мальки
Стайкой ходят друг за другом.
Взмах рукой – вода кипит!

Гладь зеркальную кругами
Развели, ушли на дно.
Плавниками ил подняли.
Меж камней - покой, темно.

Царство рыб! Жучки, ракушки.
Под водой нет звуков – тишь...
Ква-ква-у-ррр!- басит лягушка.
Ши-у-ш-и-и!- поёт камыш...

Квакша лапкой ленно водит.
Улыбаясь, щурит глаз!
Познакомиться есть повод!
Испугалась?! Вот-те раз!

Как бы мне с тобой поладить?
Лист кувшинки на ладонь
Приложил, хочу погладить
Лягушонка лепестком.

Пучеглазый встрепенулся,
«Ластой» шлёпнул, подмигнул,
Квакнул, хитро улыбнулся!
Бу-ульк...под листик он нырнул.

Ламбушка блестит, сверкает,
Как прозрачна в ней вода!
Рыбки плавают, играют!
Солнце достаёт до дна!

Маску со стеклом-оконцем
Я надел. И прыг с мостка!
С головой нырнул за солнцем,
А поймал лишь горсть песка!

Удивляюсь миру сказок,
Что ни день – всё чудеса!
Замечаешь, сколько красок?
Свой рассказ придумай сам!

«Провинциальный Интеллигент 1». **Учредили:** Сергей Пашков, Игнат Силкин. **Главный редактор:** Дина Лебедева. **Художественный редактор:** Наталья Гордеева .**Технический редактор:** Сергей Пашков. **Редакционный совет:** Нина Большакова (США), Андрей Сунгуров (Россия), Юрий Тубольцев (Германия). **Детская страница:** Ольга Аксенова. **Верстка:** Сергей Истомин. **Корректор:** Татьяна Вьюжная. **Художник:** Маргарита Рогозик (Петрозаводск). **Телефон редакции:** +79114149582 (с 14.00 до 21.00). **E-mail:** provint@yandex.ru. **Отпечатано** в типографии ООО «РИЦ«Вяйнола», 186930, г. Костомукша, ул. Строителей. **Тираж** 250 экз. **Заказ №** _____